

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

КЛИНИКА В РОЩЕ

Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов

Антон Грановский

Клиника в роще

«ЭКСМО»

2014

Грановский А.

Клиника в роще / А. Грановский — «Эксмо», 2014 — (Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов)

Затерянная в дубовой роще у болота клиника для душевнобольных... Молодой психиатр Вера Арнгольц обрадовалась предложенному месту: хорошая зарплата, есть возможность поработать над диссертацией, к тому же им с мужем выделили отдельный коттедж. Девушке придется иметь дело с опасными преступниками, находящимися на принудительном лечении, но помогать этим людям – ее работа... Странности Вера заметила сразу. Ей почему-то не разрешили общаться с некоторыми больными и не допустили в лабораторию, где проводятся какие-то секретные опыты. Случайно Вера узнала, что ее предшественница утонула в болоте, и убедилась: в клинике происходит что-то жуткое и непонятное... Почему пациенты тут умирают, а врачи бесследно исчезают?

© Грановский А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
1	10
2	13
3	16
4	19
5	25
6	27
7	32
8	38
9	40
10	43
11	48
12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгения Грановская Антон Грановский Клиника в роще

*...Мы придем туда,
Где ты увидишь, как томятся тени,
Свет разума утратив навсегда...*
Данте «Божественная комедия»

*В тот момент, когда я заснул, мне показалось, что меня
разбудили... Открыв глаза, я убедился, что лежу в абсолютной
темноте.*
А. Хейдок «Песнь Валгунты»

Пролог

«Пожалуйста... пожалуйста... Я хочу жить... Господи, я так хочу жить...»

Воздух с хрипом вырывался из горла Вероники. Длинное белое муслиновое платье, в которое ее обрядил Ванька Багор, цеплялось за сучья и сухую траву. Ночь была лунная, но Вероника давно сбилась с пути и не знала, куда бежит. Иногда ей казалось, что она слышит за спиной лай собак и ржание коней. Но потом снова наступала тишина.

Туфли промокли, и ступни в них заоченели. Но Вероника продолжала бежать, не давая себе времени на отдых. Если ей повезет, еще до рассвета она выйдет к поселку ороченских крестьян и спрячется в каком-нибудь сарае. Если нет – тогда одно из двух: либо ее поглотит Гатинское болото, либо настигнет Ванька Багор с ватагой своих пьяных разбойников.

Вероника прислушалась. Теперь она явственно различала лай собак. Сердце подпрыгнуло в груди: Багор пустил по ее следу охотничьих псов. Злобные твари отлично натасканы и никогда не упускают жертву, если напали на ее след.

Вероника вспомнила молитву, которую часто в трудные минуты повторяла ее мать:

– Пресвятая Богородица, прошу тебя, не оставь меня в своей благодати и спаси от бед!

Она оттолкнулась от дерева и бросилась бежать по страшному, освещенному луной ночному лесу. Спазмы в груди заставляли ее постанывать от острой боли. Через пять минут в полном изнеможении остановилась у ручья. Туфли порвались, и из ног, изрезанных валежником, сочилась кровь. Учувя кровь, псы рассвирепеют еще больше и удвоят пыл.

«Если перейти ручей, то можно сбить собак со следа!» – подумала Вероника.

Она бросилась в воду. Холод тут же сковал тело и на несколько секунд лишил возможности дышать. Усилием воли Вероника заставила себя двигаться, хватанула воздух широко открытым ртом и пошла по ледяному потоку, цепляясь за ветки деревьев и мокрую траву на берегу.

Лай собак приближался. Теперь были слышны и крики мужчин.

– Ату!... Ату!

Потом раздалось ржание коня.

Левую икру Вероники скрутило судорогой. Она сцепила зубы, чтобы не крикнуть, и, хромая, устремилась к противоположному берегу. Боль была адская. Казалось, будто икру рвут железными клещами.

Наконец она достигла берега. Упав на землю, Вероника принялась растирать сведенную судорогой ногу. Лай собак звучал совсем рядом. Вероника старалась не слушать эти жуткие звуки, чтобы не дать затаившемуся в душе ужасу выйти наружу.

«Ты сильная, – шептала себе Вероника, не чувствуя бегущих по щекам слез. – Ты выдержишь... Господь на твоей стороне... Он не позволит насильнику схватить тебя...»

Лай собак стал оглушительным, животные просто заходились. Теперь Вероника отчетливо услышала и голоса своих преследователей.

– Собаки брешут – она где-то рядом! – крикнул кто-то.

– Атаман, а можь, у твоей подружки выросли плавники и она уплыла?

Раздался взрыв хохота.

– Заткнитесь! – рявкнул на разбойников Ванька Багор.

Дрожа от ужаса и холода, Вероника зажмурила глаза.

«Мамочка, пожалуйста, если ты меня слышишь... не дай им найти меня... Ты обещала, что всегда будешь рядом... Ты сказала, что никогда меня не бросишь... Мамочка, любимая, помоги мне...»

Послышался плеск воды. Собаки бросились в ручей.

Вероника хотела встать, но споткнулась и снова упала. И тут же увидела мчащегося к ней по траве огромного пегого пса.

– Мамочка! – хрипло вскрикнула Вероника и вскочила на ноги.

Она попыталась бежать, но пес настиг ее и повалил на землю. Вероника услышала треск рвущегося платья и почувствовала, как собачьи клыки впились ей в бедро.

– Нет! – крикнула она и забилась на земле. – Нет!

Хриплый пьяный голос рявкнул:

– Пошли вон! Прочь!

Вероника увидела атамана. Он гарцевал на своем черном скакуне и яростно стегал собак плетью. Псы с визгом и поскуливанием отскочили от Вероники. Она лежала на узловатых корнях дерева, прижавшись спиной к мощному стволу. Белое муслиновое платье пропиталось кровью.

– Сударыня, вы, кажется, заблудились?

Вероника с ужасом смотрела на всадника.

– Простите, что задержался, сударыня, – снова пророкотал он, – мерзавец Чайши развлекал меня своими выходками. Кстати, он здесь, со мной. Хотите с ним поговорить?

Багор оскалил зубы в усмешке, сунул руку в сумку, притороченную к седлу, достал из нее какой-то темный предмет и швырнул его к ногам Вероники.

Вероника вскрикнула от ужаса и поджала окровавленные ноги. На мокрой траве лежала голова старика-маньчжурца. В ушах у нее затараторил его сбивчивый взволнованный голос:

– *Госпадза, Ванка узнавал твой измен! Он совсем пьяный и совсем злой! Багор говорит – госпадзу убивай. Если ты будешь здесь, атаман тебя убивай! Нада окно бедзать, а Чайши задержать Ванка. Беги, подзалуста!*

– Что же вы меня не благодарите? – мрачно спросил Багор. – Помнится, вы любите слушать рассказы этого шута. Пусть он вам поведаст последнюю сказку...

Всадники окружили атамана. Их кони дергали головами и громко фыркали. Вероника смотрела на всадников снизу вверх, и они казались ей огромными чудовищами.

Разум ее помутился от ужаса.

«Мамочка, – беззвучно шептала она. – Пожалуйста... Пусть они уйдут... Пусть они оставят меня в покое... Мамочка, помоги своей маленькой дочери...»

– Проучи ее, Багор! – крикнул один из всадников.

– Проучи эту шалаву! – поддержал другой голос.

Атаман ухмыльнулся, повернул голову к приятелю и прорычал:

– А ну – дай вина!

Разбойник, пьяно посмеиваясь, бросил ему кожаную флягу с вином. Багор запрокинул голову и сделал несколько больших глотков. Вино потекло по подбородку, закапало на грязный воротник камзола. Напившись, атаман швырнул флягу назад хозяину и, свирепо глядя на Веронику, вытер рукавом мокрые губы.

– Проси пощады! – потребовал он.

Вероника молчала.

– Проси пощады! – рявкнул Багор и опустил пальцы на рукоять плети.

Вероника задрожала всем телом и стала потихоньку отползать от своего врага, не спуская с него перепуганных глаз.

– Атаман, твоя шалава издевается над тобой!

– Она ведет себя как барышня голубых кровей!

Пьяницы, окружавшие Ваньку Багра, захохотали.

Багор спешил, швырнул поводья Гржебову и зашагал к Веронике, сжимая в руке плеть. Остановившись перед девушкой, он несколько секунд смотрел на нее угрюмо, затем размахнулся и что есть мочи стеганул по лицу.

Вероника вскрикнула и загордилась руками.

– Проси пощады! – снова прорычал мужчина, глядя Веронике в глаза.

Девушка вытерла с подбородка кровь и покачала головой.

– Нет? – губы атамана расплзлись в улыбку, и его острые зубы блеснули в лунном свете.

Он повернул голову к всадникам и крикнул: – Алешка, веревку!

Гржебов отвязал от седла веревку, которой обычно стреноживают коней, и швырнул ее атаману.

– Что ты собираешься делать, Багор? – весело поинтересовался он. – Хочешь подвесить ее за ноги?

– Заткнись! – прорычал атаман. Разматывая веревку, присел возле Вероники и потребовал: – Дай руки!

Вероника не шелохнулась.

– Я сказал: руки!

Он схватил ее руки и резко притянул к себе. А потом быстро стянул ей запястья веревкой. Связав Веронику, Багор взял ее на руки, прошел по чавкающей земле и остановился у края болота.

– Последний раз говорю: проси пощады! – глухо пророкотал он.

Вероника молчала.

– Ну, пеняй на себя...

И Багор швырнул Веронику в болото.

– Багор, ты выпустил веревку! – крикнул кто-то из ватаги.

– Она захлебнется, атаман!

Мужчины бросились к болоту, но Ванька Багор, раскинув руки, удержал их.

– Стоять! – рявкнул он.

Вероника изо всех сил билась за жизнь, но спастись было невозможно, и через минуту трясина сомкнулась у нее над головой.

Атаман повернулся к приятелям и устало сказал:

– Айда в лагерь.

Мужчины сели на коней.

Домой возвращались в угрюмом молчании. Время от времени спутники атамана бросали на него косые взгляды, но ничего не говорили.

Вдруг Алешка Гржебов вскинул голову и настороженно взгляделся в темноту.

– Багор, что это там?

Лошади вдруг заржали и остановились как вкопанные.

– Кони что-то почуяли, – сказал взволнованным голосом чернобородый казак Бугаев.

Лошади задрожали и с нервным храпом стали топтаться на месте.

– Они напуганы! Атаман, чего молчишь? Что там белеет между деревьями? Никак маньчжуры?!

Гржебов взглянул на оцепеневшего атамана и глухо проговорил:

– Багор, мне это не нравится!

– Цыц, Алешка! И вы все цыц! – Багор угрюмо сплюнул через плечо. – Нету там никого!

– Ребяты, гля, да ведь там баба! – заорал вдруг казак по кличке Крот.

И точно – впереди белел женский силуэт. И не просто белел, а стремительно приближался.

Кони внезапно повернулись и порысили в сторону болота.

– Коней держи! – крикнул кто-то.

Засвистели плети и нагайки. Однако удержать коней казаки не смогли – те, дрожа и храпя, продолжали набирать скорость.

– Лошади несут! – крикнул Крот.

– Ребята, сигай с коней! – завопил Бугаев.

Казакі принялись на полном ходу выпрыгивать из седел. Кто-то из них вскрикнул, сломав ногу. У кого-то хрустнула свернутая шея. Ванька Багор тоже попытался выпрыгнуть из седла, но не смог перекинуть ногу через круп скачущей лошади. Он дернул что есть мочи, но нога осталась в стремени – ее опутала веревка.

– Атаман! – услышал он позади крик Алешки Гржебова.

А в следующее мгновение конь Ваньки Багра взвился в воздух и... упал в болото. Бездна разошлась под копытами, и Багор вместе с лошастью стремительно пошли на дно. Зловоние трясины ударило атаману в нос. Он что есть мочи оттолкнулся от коня ногами, извернулся и попытался ухватиться за нижнюю ветку черной, полусгнившей ели. Ветка была крепкая. Она должна выдержать. Нужно только постараться... Вот так... Еще чуть-чуть... еще...

Багор вцепился озябшими пальцами в ветку, сплюнул болотную грязь и заорал:

– Алешка! Алешка, помоги мне!

Но никто не спешил атаману на помощь. «Ничего, – подумал Багор. – Справлюсь сам. Осталось совсем немного».

Он, держась за ветку, подтягивал свое тело к берегу. Багор снова и снова напрягал мышцы. Трясина нехотя выпускала атамана из своих ледяных, вязких объятий. И он уже уверовал в спасение, как вдруг что-то сжало атаману левое предплечье и потянуло назад, в топь. Багор обернулся. Сердце его едва не разорвалось от ужаса – в руку ему впились длинные белые пальцы.

Багор почувствовал, как зловонное, гниlostное дыхание охолодило ему щеку.

– Атаман... – прохрипел кто-то. – Атаман...

Ванька Багор дернулся, потом еще раз... Но все было бесполезно. Тогда он попытался взглянуть в лицо своему противнику. И почти не удивился, увидев рядом Веронику. Девушка распухла, словно она пролежала в воде несколько дней. Из ее рта вырывалось хриплое дыхание, мокрые волосы спутались и висели клочковатыми прядями, а в выкатившихся из орбит глазах застыло торжество.

– Атаман...

Завопив от ужаса, Багор забился, стараясь вырваться, но руки девушки цепко схватили атамана за плечи и быстро потащили на дно.

Когда Алешка Гржебов подбежал к кромке болота, голова атамана уже скрылась под водой. Но вторая голова – распухшая, почти бесформенная, еще успела мелькнуть над поверхностью и взглянуть Алешке в глаза. И от этого взгляда, полного презрения и ненависти, Гржебова пробрал мороз. Страшные синие губы утопленницы прошептали одно-единственное слово: «Отомщу».

Гржебов оцепенел. Его длинные, цвета вороного крыла, волосы стали полностью седыми. За одну минуту из пышущего здоровьем тридцатилетнего мужчины Алешка Гржебов превратился в дряхлого старика.

Глава 1

Дубовая роща

1

– ... На территории клиники для персонала предусмотрены небольшие, но отличные дома коттеджного типа, – сказал профессор Черневицкий. – Думаю, вам и вашему мужу понравится. Теперь вы можете задавать вопросы.

Заведующий клиникой Игорь Константинович Черневицкий был высок, худощав, седовлас и опрятен. Он был в темно-сером костюме и белой шелковой рубашке с расстегнутой верхней пуговкой. Лицо заведующего украшали черные усики и борода клинышком.

Его собеседницей была девушка среднего роста, с каштановыми волосами, с правильными, но не слишком выразительными чертами лица. Звали ее Вера Арнгольц.

Кроме них в кабинете присутствовал еще один человек – очень хорошо одетая и очень ухоженная дама лет пятидесяти со спокойным, немного высокомерным лицом. Серые, стального оттенка глаза Аллы Львовны Сташевской смотрели остро и дерзко, выдавая в ней женщину, привыкшую повелевать, и сверкали так, как способны сверкать только драгоценные камни. Деловой костюм дамы был небросок, но понимающий в этом толк человек мигом бы сообразил, что стоит он никак не меньше бриллиантовой булавки на вороте ее шелковой синей кофточки.

Девушка взглянула на заведующего и деловито осведомилась:

– Какого рода работа мне предстоит в первые недели?

– Первый месяц будет скорее ознакомительным, – ответил Игорь Константинович. – Хотя... я не совсем правильно выразился. Вы будете практикующим врачом, но работать станете под руководством опытного наставника. Кроме того, вы не сможете принимать участие в исследовательской работе клиники.

– И это продлится целый месяц?

Черневицкий кивнул:

– Да. Вам следует набраться терпения. Некоторые из аспектов исследовательской деятельности мы предпочитаем держать в секрете – до полного завершения исследований и опубликования их результатов. Но через месяц или два вы станете полноправным участником процесса.

Вера задумалась. Черневицкий и Сташевская не торопили ее с ответом, давая возможность поразмыслить.

На лице Сташевской застыла вежливая улыбка, но острый взгляд ясно говорил о том, что дама продолжает внимательнейшим образом изучать девушку. Ей, так же как и Черневицкому, хотелось убедиться в том, что выбор, который сделала клиника, пригласив Веру Арнгольц, был правильным.

Каждый ответ на вопрос, каждая реплика и каждое движение нового врача подвергались тщательному анализу. Пока для Веры открыто лишь то, что ей положено знать. Остальное – потом, быть может, через несколько месяцев, когда она освоится и станет в клинике «своей».

За три дня Черневицкий и Сташевская тщательно изучили биографию претендентки на вакантное место. Им известно, что мать Веры заболела белой горячкой и четыре года назад выбросилась из окна, что старшая сестра Ольга после смерти матери пустилась во все тяжкие, начав с вечеринок и легких наркотиков, а закончив панелью и клинической смертью. Знали они и то, что Вера, имевшая перед глазами печальный опыт матери и сестры, дала себе слово

непременно выбиться в люди и что на выбор профессии повлияла болезнь матери, мучения которой проходили на глазах дочери.

Недобрав одного балла при поступлении в институт, Вера пошла на платное отделение. Чтобы оплачивать обучение, подрабатывала уборщицей, массажисткой, няней и даже сгребала навоз на подмосковной ферме. Девушка буквально ногтями выпарапывала себе входной билет в благополучное будущее. И скорее небо упадет на землю, чем она согласится пустить свою жизнь под откос.

Они знали о Вере все. Или почти все. И теперь им нужно было убедиться воочию, что они не ошиблись в своем выборе.

– Все это мне не очень нравится, – заговорила наконец Вера. – Честно говоря, я рассчитывала сразу включиться в исследовательскую работу. Не люблю сидеть сложа руки, когда другие трудятся.

Черневицкий и Сташевская переглянулись. Черневицкий заговорил снова.

– Вера Сергеевна, вы будете получать сто двадцать пять тысяч рублей в месяц плюс премиальные. Кроме того, после года работы получите возможность взять у клиники беспроцентный заем в сумме сто пятьдесят тысяч долларов на срок до десяти лет.

Сто двадцать пять тысяч в месяц? Беспроцентный заем? Вера надеялась, что ей удалось сохранить на лице невозмутимое выражение, но едва удержалась от глупой улыбки.

– Условия хорошие, – медленно и как бы задумчиво проговорила она.

Алла Львовна чуть заметно усмехнулась.

– Сколько дней вам нужно на обдумывание? – спросил Черневицкий.

– Я готова ответить прямо сейчас, – сказала Вера.

– И каков будет ваш ответ?

– Я согласна.

Заведующий клиникой улыбнулся.

– Нам нужна свежая кровь, Вера, – сказала доброжелательным голосом Алла Львовна. – И мы очень рассчитываем на вас.

Вера кивнула и ответила – серьезно и искренне:

– Вы не пожалеете, что остановили свой выбор на мне.

– Надеемся, что так и будет, – довольно кивнул Игорь Константинович. – Я хочу, чтобы вы правильно все поняли, Вера. В нашей клинике работает дружный коллектив врачей-единомышленников. Состав врачебного пула постоянен. В некотором роде, мы сделали для вас исключение. Любому коллективу нужна молодая кровь. Так что... Добро пожаловать в нашу семью!

Когда Вера покинула кабинет, Сташевская повернулась вместе с креслом к Черневицкому и спросила:

– Ну? Что вы о ней думаете?

– Она – то, что нам надо, – ответил Черневицкий. – Амбициозна, умна, упряма. Анализируя проблему, не руководствуется предубеждениями. Тщательно взвешивает все «за» и «против», но, решившись на что-то, уже не колеблется, а бросает свои ресурсы на решение поставленной задачи.

– Да. Но будут ли данные качества нам на руку?

– Уверен, что да. После стольких лет нищеты и адской работы она голодна, страшно голодна. Говорю вам, эта девушка – наш человек.

– Когда вы намерены ввести ее в курс дела?

– Еще не решил. Думаю, не раньше чем через месяц. Поначалу ее надо увлечь работой. Сделать так, чтобы наша клиника стала ей родным домом. Чтобы она держалась за нас руками и зубами. И тогда мы сможем направить ее энергию в нужное нам русло. Кроме того, необходимо тщательнее к ней присмотреться.

– Но девушка может начать догадываться. Как вы развеете ее подозрения, если таковые возникнут?

Черневицкий усмехнулся:

– Никак. Подозрения лишь подогреют ее интерес.

Сташевская чуть прищурила светлые недобрые глаза, обдумывая слова Игоря Константиновича, после чего спросила:

– А если вы ошибаетесь?

Черневицкий отвел взгляд и, нахмурившись, проговорил:

– Это будет прискорбно. В первую очередь – для нее.

– В первую очередь это будет прискорбно для нас с вами, – сказала Сташевская. – От нас ждут правильного выбора. Если мы ошибемся, я не поставлю на наши с вами жизни и ломаного гроша.

2

До сих пор дела шли довольно погано. За девять месяцев «одиночного плавания» вдаль от отцовского бумажника и связанных с ним удовольствий Алексей Тенишев продал всего две картины. Да и те купили его бывшие приятели, для которых сумма в тысячу долларов не значила ровным счетом ничего. Они ежемесячно тратили на рестораны и ночные клубы в два раза больше. Теперь Алексею трудно было поверить, что и он когда-то вел подобный образ жизни.

Тенишев-старший выбился в люди из «простых прорабов», а сейчас его строительная фирма была самой крупной в Барнауле. Он хорошо помнил свое бедное детство, и ему казалось, что тратить деньги на развлечения – сущее безумие. В его представлении человек рождается для того, чтобы работать и зарабатывать.

Несколько лет бизнесмен скрепя сердце потакал «шалостям» сына, надеясь, что с возрастом парень образумится и станет «вполне приличным членом общества». Но тот не оправдал надежд отца, и пришлось пойти на крайние меры.

Громяхая по супермаркету тележкой, Алексей теперь должен был подсчитывать, хватит ли ему денег на хлеб, молоко и фрукты. Первое время он постоянно ошибался – отвыкшая от цифр голова не справлялась с расчетами. Стоя у кассы и откладывая в сторону «лишние» продукты, Тенишев сгорал от стыда. Ему казалось, что со всех сторон на него изумленно таращатся бывшие друзья. А среди их холеных физиономий торчит лицо его отца – загорелое, невозмутимое, со стальными холодными глазами и насмешливым ртом.

Иногда Алексей с тоской смотрел на свои картины, написанные год назад под действием кокаина или ЛСД. В них чувствовалась экспрессия. В них были дерзость и размах, в конце концов, а что в теперешних работах? Спокойная гармония, скудная палитра, избитые формы... И что с этим делать, совершенно непонятно.

Тенишев-младший убеждал себя, что все еще наладится. Размах и буйство красок придут, ведь талант его никуда не делся. Нужно просто немного переждать. Душа должна освоиться с новыми условиями. Освоиться и смириться. Вера сказала правильно: яркость пламени зависит не от количества дров, а от того, насколько сильно раздувают огонь. Надо научиться раздувать в себе огонь – ежедневно и ежечасно, а не бросать в топку все, что попадает под руку.

И все-таки от «дорожки» кокса он бы сейчас не отказался. Хотя бы для того, чтобы слегка воспрянуть духом и дожидаться той чертовой «новой жизни», до которой остались считанные дни.

Отправляясь на переговоры в клинику, Вера была уверена в успехе – ведь не просто же так ей прислали приглашение. Если ее возьмут, перспективы откроются самые радужные. Нужно, чтобы хоть один из них двоих зарабатывал деньги. До тех пор, пока Алексей не схватит, наконец, удачу за хвост.

Вера воспитывалась в детдоме и любила повторять, что главный фундамент молодой семьи – забитый продуктами холодильник. После девяти месяцев жизни впроголодь Алексей готов был с ней согласиться.

Сидя с бутылкой пива в руке в обшарпанном кресле и пялясь в экран телевизора, Тенишев время от времени бросал тревожные, нетерпеливые взгляды на циферблат часов. И вот наконец в прихожей щелкнул замок. Алексей еле удержался, чтобы не вскочить и не броситься навстречу жене. Но это было бы не по-мужски. Мужчина должен быть сдержанным и сильным. Так учил отец. А Алексей, несмотря на то что между ним и отцом пробежала кошка, частенько вспоминал советы своего «старика».

Когда Вера появилась на пороге, он лишь повернул к ней голову и небрежно обронил:

– Ну как?

Вера прошла в комнату и рухнула на диван.

– Уф-ф... – вздохнула она и, взгромоздив кожаный рюкзачок на колени, блаженно откинулась на спинку дивана. – Устала. Ноги просто гудят. Дай хлебнуть!

Она протянула руку за пивом. Заполучив бутылку, сделала два больших глотка и перевела дух.

– Все-таки нелегкое это дело – ходить на собеседования, – произнесла она.

– Так ты получила работу? – спросил Алексей, скрывая нетерпение за небрежным тоном.

– И день сегодня какой-то мрачный, – продолжила Вера, – все тучи да тучи. Хорошо хоть дождик закончился. Слушай, Леш, а может, возьмем какой-нибудь фильм в прокате?

– Обязательно, – кивнул муж, начиная терять терпение. – Так что насчет работы?

– Понимаешь, там... – Внезапно Вера осеклась. Глаза ее блеснули странным блеском. – Слушай, Тенишев, а ты когда-нибудь пил французское шампанское?

– Да, много раз. Но сейчас даже не помню, какое оно на вкус. Так ты...

– У тебя есть возможность вспомнить!

Вера расстегнула рюкзачок, покопалась в нем, доводя мужа до белого каления, затем вынула бутылку и торжественно поставила ее на стол:

– Вуаля, как говорил французский психиатр Жан-Пьер-Мари Феликс!

Алексей изумленно уставился на бутылку. Затем перевел взгляд на жену, облизнул губы и хрипло проговорил:

– Ты с ума сошла? Знаешь, сколько оно стоит?

– Естественно! Я же сама его покупала!

Кровь прихлынула к щекам Тенишева. Он прищурился и порывисто проговорил:

– Подожди... Значит, ты получила работу?

Лишь сейчас Алексей понял, насколько сильно волновался за жену. Вера откинулась на спинку дивана и небрежно пожала плечами:

– Конечно. А ты во мне сомневался?

– И сколько?

– Чего сколько?

– Сколько платят?

– В месяц?

– Нет, в час!

– Ну... – протянула Вера и вдруг снова осеклась. – Черт, совсем забыла – у меня же есть сыр. Хотела взять какой-нибудь экзотический, как ты любишь, но вспомнила, что он воняет, и решила купить мааздам. Просто и со вкусом!

Алексей протянул к лицу Веры растопыренные пальцы.

– Арнгольц, – мрачно проговорил он, – я тебя сейчас задушу, и суд меня оправдает.

Вера заглянула в сверкающие глаза мужа и расхохоталась.

– Лешка, видел бы ты себя сейчас!

Тенишев схватил со стола бутылку и шутливо замахнулся.

– Сдаюсь! – крикнула Вера и, смеясь, подняла руки.

– Так сколько они тебе предложили?

– Сто двадцать пять тысяч рублей в месяц, плюс премии, плюс бесплатные обеды, плюс казенный четырехкомнатный коттедж на территории клиники!

Алексей опустил бутылку и недоверчиво уставился на жену.

– А ты случайно не бредишь? Может, вколоть тебе два кубика аминазина?

Вера помотала головой:

– Нет. Это все чистая правда.

Несколько секунд Алексей таращился на жену, затем вдруг вскинул вверх руки и закричал:

– Долой магазинные пельмени!

Вера засмеялась и тоже вскинула руки вверх:

– Долой заштопанные куртки!

– Долой лапшу быстрого приготовления!

– Долой соевые сосиски!

– Да здравствует коттедж и походы по ресторанам!

Они захохотали, обнялись и стали кататься по дивану, осыпая друг друга поцелуями.

– Тенишев, – с хохотом спросила Вера, – как ты считаешь, я заслужила немного ласки?

Он погладил ее ладонью по щеке и воскликнул:

– Сегодня я весь вечер буду исполнять твои желания!

– Любые?

– Любые. Хочешь, прокукарекаю петухом?

Она покачала головой и проговорила, глядя на мужа сияющими глазами:

– Нет. Лучше открой бутылку. Я всю жизнь мечтала попробовать «Moet».

Алексей поцеловал ее в лоб.

– Теперь у нас все будет хорошо, – мечтательно произнес он. – Ты станешь профессором, будешь лечить богатых психов, а я буду рисовать для них картины. Ох, Верка, и заживем!

– Точно! И ты сможешь помириться с отцом.

По лицу Алексея пробежала тень.

– Он мне не отец, – отчеканил он.

– Ладно, как скажешь, – тут же смирилась Вера. Улыбнулась и взъерошила волосы мужа. – Давай пить шампанское!

3

Бежевая «Мазда» Алексея Тенишева проехала по мосту через реку Нартовка. На съезде с моста к столбу был прибит знак, гласящий:

ОСТОРОЖНО!

ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ НА ТЕРРИТОРИЮ КЛИНИКИ «ДУБОВАЯ РОЩА».

**ПРОСЬБА НЕ ПОДАВАТЬ ЗВУКОВЫХ СИГНАЛОВ
– ОНИ МОГУТ НАПУГАТЬ НАШИХ ПАЦИЕНТОВ.**

СПАСИБО ЗА ПОНИМАНИЕ И ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

– Нас приветствуют, – улыбнулась на заднем сиденье Ольга. – Как приятно!

Она откинула с красивого лба пушистую светлую прядку и взглянула на небольшие домики коттеджного типа, виднеющиеся на небольшом холме, по правую сторону от белоснежного трехэтажного здания клиники.

– Да тут у них целый поселок!

– Это домики для персонала, – пояснила Вера. – Один из них – наш.

– Выглядит неплохо, – одобрила Ольга. – Леш, как тебе твой новый дом?

– Посмотрю – расскажу, – хмуро отозвался Тенишев.

– Верунчик, ты умница! – Ольга нагнулась и поцеловала сестру в макушку. – Нам здесь будет весело. Я обсажу дом розами, и мы будем спать с открытыми окнами, чтобы их аромат заполнял комнаты.

Ее бледное, словно выточенное из мрамора лицо сияло.

Сестры были очень похожи. Но если лицо Ольги являлось как бы произведением искусства, в котором каждая черточка была старательно и тщательно прорисована, то лицо Веры напоминало набросок к будущему портрету. Кроме того, Ольга натуральная блондинка с очень чистым и красивым оттенком волос, а Вера – «шатенка, переходящая в брунэтку», как она сама себя насмешливо называла.

– Какой из домов? – поинтересовался Алексей, подъезжая к поселку.

– Крайний, – ответила Вера. – Вон тот, рядом с полянкой.

Спустя пару минут Алексей остановил «Мазду» возле коттеджа.

– Чур я первая! – воскликнула Вера.

Она выскочила из машины и торопливо зашагала, почти побежала, к дому.

– Совсем еще девчонка, – задумчиво проговорила Ольга, глядя ей вслед. Она перевела взгляд на Тенишева. – Поможешь мне выйти, Пикассо?

– Конечно. Это ведь мой долг. Писать картины, любить Верку и таскать на загривке священную корову.

– Таскать корову у тебя получается лучше, чем писать картины, – Ольга усмехнулась. – Сосредоточься на том, к чему у тебя действительно есть способности.

– Предлагаешь мне стать пастухом?

– Предлагаю тебе заткнуться – Вера идет сюда.

Алексей взял Ольгу под локти и осторожно поставил ее на ноги. Затем помог ей пристроить под мышками костыли.

– Вера, у тебя золотой муж, – сообщила Ольга. – Когда-нибудь я его у тебя отобью.

– Костыли не урони, – посоветовал Алексей.

Вера взглянула на мужа с тревогой и осуждением, потом перевела тревожный взгляд на сестру, как делала всегда, когда они начинали пикироваться.

– Обмен любезностями закончен? – с неуверенной улыбкой поинтересовалась она. – Теперь мы можем идти?

В доме женщины тут же принялись расхаживать по комнатам. Алексей рассеянно плелся за ними. Он сразу усвоил две вещи – дом удобный и в нем много комнат. Этого Алексею было достаточно.

– Верка, дом просто обалденный! – нахваливала Ольга. – И потолки высокие! Обожаю высокие потолки!

– Рада, что тебе нравится, – улыбнулась Вера. – Выбирай себе комнату.

Ольга поймала на себе холодный взгляд Алексея и едва заметно пожала плечами:

– Милая, пусть сначала твой муж выберет. Ему нужна мастерская, с правильным освещением. А мне сгодится любая темная и невзрачная комнатуха. Даже чулан. Главное, чтобы в нем можно было поставить кровать и тумбочку.

Тенишев усмехнулся.

– Какая жертвенность, – буркнул он.

– Леш, но ведь Ольга права, – с легким упреком проговорила Вера. – Тебе здесь работать.

– Да я и не спорю, – пожал плечами Тенишев. – Под мастерскую я выбираю комнату, которая выходит на север. Нет возражений?

Возражений не было.

Вера и Ольга пошли смотреть комнату Ольги, Алексей остался в коридоре. Через пару минут Вера выскользнула из комнаты, подошла к мужу и, умоляюще на него взглянув, проговорила:

– Леш, пожалуйста, будь с ней повежливей. Ради меня!

Алексей нахмурился.

– Я и так из кожи вон лезу, чтобы угодить этой...

– Осторожнее! – Вера положила ему на губы палец. – Не забывай: она моя сестра и я ее люблю. Я знаю, что ее присутствие в доме тебя утомляет, но потерпи еще немного. Когда Ольга окончательно оправится, нам уже будет необязательно жить вместе.

– А до тех пор я должен утирать королеве сопли и щекотать на ночь пятки?

Вера поморщилась:

– Фу, как грубо. Хотя я не возражаю. Кстати, где ты начитался про пятки? И почему ты мне никогда этого не предлагал?

– А ты хочешь попробовать? – насмешливо осведомился Алексей.

Вера кивнула:

– Конечно! Мне уже лет двадцать никто не щекотал пятки.

Алексей подумал и покачал головой:

– Нет, не буду.

– Почему?

– А вдруг тебе понравится и ты станешь заставлять меня делать это каждый вечер? Сначала тебе, потом твоей сестре, а потом еще собаку заведешь и... Я человек покладистый, но щекотать пятки собаке выше моих сил!

– Дурень, – мягко сказала Вера, привстала на цыпочках и поцеловала мужа в нос.

Из комнаты вышла Ольга. Тенишев тут же повернулся и зашагал в сторону своей новой мастерской. Ольга проводила его насмешливым взглядом. Вера тронула сестру за руку.

– Оль, не злись на Лешку. Он художник, а все художники нервные.

– Быть нервным – одно, а быть хамом – совсем другое, – холодно парировала Ольга.

Вера нахмурилась.

– Лешка не хам. Просто у него был тяжелый период.

– А у тебя? У тебя-то он был легкий? Думаешь, я не знаю, что три последних месяца ты мыла тарелки и драила полы в шашлычной? И все только для того, чтобы твой неженка-муж не знал недостатка в холстах и красках.

– Он это заслужил, – сказала Вера.

Ольга обняла сестру за плечи.

– Верка, да я и не спорю. Но можно ведь быть поэкономней. Ты видела, что он вытворяет с красками? Просто выдавливает их на холст! По полтюбика за раз! А холсты... За день портит десяток! А ты полгода работаешь сутки напролет, чтобы он мог заниматься своей мазней. Думаешь, он тебе благодарен?

Вера накрыла руку сестры, лежащую на ее плече, ладонью.

– Оль, те времена уже позади, – тихо сказала она. – Теперь у нас все будет хорошо. Вы только не ссорьтесь, ладно?

Ольга вздохнула:

– Ладно. Буду вести себя паинькой. Но исключительно ради тебя.

Вера потерлась щекой о щеку сестры.

– Вот и хорошо, – она вздохнула. – Помнишь, как дружно мы жили в детдоме, когда я была в седьмом классе? Иногда я скучаю по тем временам.

– Ты же терпеть не могла детдом.

– Тогда я действительно так думала, а сейчас... В тот год мама часто нас навещала, помнишь?

Ольга убрала руку с плеча Веры.

– Ты же знаешь, что я не люблю о ней вспоминать, – сухо проговорила она.

– Да. Прости.

– А мужу своему скажи, чтобы сбавил обороты. Мое терпение не беспрдельно. Если я разозлюсь, то мало ему не покажется.

– Оля, я...

– Знаю, знаю, – Ольга снова улыбнулась, но на сей раз улыбка получилась вымученной. – Ты меня любишь. И его любишь. Ты всех любишь. Но иногда человеку приходится выбирать, даже если он этого не хочет.

– Надеюсь, ничего подобного не случится, – махнула на сестру рукой Вера.

– Я тоже надеюсь, – неожиданно согласилась Ольга. – К чему гадать? Через полгода, максимум – через год твой Тенишев тебя бросит и вернется к своей бывшей невесте. И тогда ты поймешь, что я была права.

Вера слегка побледнела. Ольга посмотрела на нее, прищутив глаза, и усмехнулась.

– Моя бедная маленькая сестренка... – тихо проговорила она. – Мне всю жизнь приходилось защищать тебя от жестокого мира. Но не волнуйся, и теперь тебя не брошу. До встречи за ужином.

Ольга повернулась, оперлась на костыли и тяжело заковыляла в свою комнату.

4

Едва Вера открыла дверь клиники, как навстречу ей из глубины коридора двинулась высокая, статная женщина с горделивым красивым лицом.

– Вера Сергеевна Арнгольц? – спросила она голосом низким и глубоким, как у оперных певиц.

– Да, – кивнула Вера.

– Добро пожаловать в клинику «Дубовая роща». Меня зовут Жанна Орлова. Я старшая медсестра.

– Очень приятно.

– Мне тоже. Как добрались, Вера Сергеевна?

– Зовите меня просто Вера, ладно? Добрались без проблем. Немного заплутали в пяти километрах отсюда – какой-то шутник переставил дорожные указатели.

– Мальчишки, – улыбнулась старшая медсестра. – Там недалеко деревня, и они часто шалят. Как вам понравился ваш новый дом?

– Он великолепен, – ответила Вера с улыбкой.

Шагая рядом с Верой по длинному коридору, Жанна объясняла ей планировку здания. Время от времени на пути попадались люди в белых медицинских халатах, тогда спутница знакомила Веру с каждым из них. Врачи и медсестры перебрасывались с Верой приветственными фразами и спешили дальше по своим делам.

– В штате клиники работает восемь врачей и восемь медсестер, включая меня, – информировала новенькую Жанна. – Кроме того, у нас есть служба безопасности – четверо сильных мужчин, бывшие десантники.

Жанна указала рукой на белые двери:

– Здесь у нас палаты для пациентов. В них есть все необходимое. В основном они рассчитаны на пять человек. Но некоторые наши пациенты содержатся в отдельных палатах.

– Из соображений безопасности?

– Совершенно верно. Сейчас у нас тихий час, – сказала Жанна, понизив голос. – Вы можете заглянуть в окошко.

Вера заглянула. Она увидела белые кровати и спящих на них мужчин.

– Женского отделения в нашей клинике пока нет, – продолжила старшая медсестра. – Большая часть нашего «контингента» – преступники, признанные невменяемыми и отправленные на принудительное лечение. Маньяки, серийные убийцы... Одним словом – жуткие люди.

Они вошли в небольшой холл, уставленный креслами и диванчиками.

– А дальше кабинеты врачей, – лаконично сказала Жанна.

Двери кабинетов отличались от дверей палат отсутствием окошечек и серебристыми табличками с именами врачей.

– За этой дверью трудится ваш коллега Астахов, – сказала Жанна. – Он не пошел на заседание, потому что занят важной и срочной работой. Черневицкий просил, чтобы я кое-что ему передала. Зайдете со мной?

– Конечно.

Жанна открыла дверь и первой шагнула в кабинет. Вера последовала за ней.

За столом, склонившись над бумагами, сидел черноволосый мужчина.

– Тимур Альбертович, познакомьтесь с нашей новой сотрудницей, – с улыбкой сказала Жанна.

Мужчина поспешно встал из-за стола и двинулся навстречу Вере. Его смуглое лицо осветилось белозубой улыбкой.

– Вот вы какая! Много о вас слышал!

Голос у него был очень приятный – мягкий и мужественный одновременно. Астахов пожал Вере руку.

– Именно такой я вас себе и представлял. Как добрались?

– Спасибо, хорошо. А вы...

– Я врач, – с дружелюбной улыбкой сказал Астахов. – Просто врач. Правда, опыта у меня лет на пять-шесть больше, чем у вас, но во всем остальном мы с вами одного поля ягоды.

Вера смотрела на нового коллегу приветливым, но вместе с тем острым, изучающим взглядом. Обаятельный. Самоуверенный. Симпатичный. Голос как бы обволакивающий. Дамский угодник.

– Насколько я знаю, ваш кабинет следующий по коридору, – сказал Тимур Альбертович своим бархатистым голосом. – Мы с вами в некотором роде соседи. Будем тесно общаться.

– Будем вместе пить кофе, – поддакнула Вера. – По-соседски.

– А вот это вряд ли, – подала голос Жанна. Их с Астаховым взгляды на мгновение пересеклись, и первым глаза отвел Тимур Альбертович, что не укрылось от внимания Веры. – Наш заведующий – человек строгий и не любит чаепитий во время рабочего дня.

– Она права, – кивнул Астахов. – Игорь Константинович каждую чашку кофе, выпитую в служебное время, воспринимает как личную обиду.

– Ну, тогда будем перестукиваться, – улыбнулась Вера. – Как нормальные заключенные.

Улыбка на лице Астахова слегка поблекла, и он бросил быстрый растерянный взгляд на старшую медсестру. Увидев ее хмурое лицо, Вера поняла, что опять сказала что-то не то.

– Это была шутка, – на всякий случай пояснила Вера. – Но, судя по вашей реакции, не совсем удачная.

Астахов и Жанна тотчас разулыбались.

– Не обращайтесь на нас внимания, Верочка, – Жанна посмотрела на Веру чуть покровительственно. – Мы живем в своем тесном мирке, редко выбираемся наружу и, видимо, совсем тут одичали.

«Хм, «Верочка»... – с неудовольствием подумала Вера. – Я для нее уже Верочка. А ведь она всего лишь старшая медсестра».

– Пойдемте, я покажу вам ваш кабинет, – продолжила Жанна.

Кабинет Веры ничем не отличался от кабинета Астахова.

– Ну, как? – спросила Жанна, изучающе глядя на Веру.

– Мне нравится, – честно призналась та.

– Подойдите к окну, – посоветовала Жанна. – Из него открывается великолепный вид на дубовую рощу.

Вера двинулась через кабинет к окну.

– Я вас на минутку оставлю, – сказала за ее спиной Жанна. – Мне нужно кое-что обсудить с Тимуром Альбертовичем.

– Да-да, конечно.

Жанна вышла из кабинета.

Вера посмотрела на рощу. Погода была пасмурная, и деревья под хмурым небом сами выглядели пасмурно и невзрачно. Вера вздохнула и хотела отвести глаза, но тут на лужайку перед клиникой вышли двое мужчин в белых халатах.

Один был высок, лысоват и смотрел на своего собеседника угрюмо и недовольно сквозь толстые стекла очков. Второй мужчина выглядел намного моложе первого, невысокий, худощавый и вертлявый какой-то неприятной нервной вертлявостью.

Лысоватый что-то строго говорил вертлявому, словно отчитывал того за какой-то проступок. Вертлявый же слушал с дерзкой ухмылкой на лице. От него так и разлило самоуверенностью.

И тут произошло нечто невообразимое – лысоватый вдруг размахнулся и влепил вертлявому пощечину. Тот вскрикнул, отступил на шаг и схватился рукой за щеку. Несколько секунд мужчины молча смотрели друг другу в глаза. Затем лысоватый повернулся и зашагал к дверям клиники. Вертлявый проводил его злобным взглядом, что-то тихо шепча. Потом он вдруг поднял голову и скользнул глазами по окнам.

Вера быстро отшатнулась. Она была сильно смущена. Такие сцены не предназначены для посторонних, и случайный свидетель становится таким же объектом ненависти, как и обидчик. Впрочем, эти двое сами виноваты. Нужно было найти для выяснения отношений более укромное место.

Наконец Вера осторожно выглянула в окно. Вертлявого на лужайке уже не было.

Не дождавшись Жанны, девушка вышла в коридор и обнаружила там странного рыжеволосого юношу, одетого в светлую льняную рубашку, застегнутую на все пуговицы. Завидев Веру, юноша улыбнулся и воскликнул:

– Вера!

Но тут же, словно натолкнувшись на невидимое препятствие, нахмурился и попятился назад. Глаза его забегали.

– Простите, – пробормотал он.

– Откуда вы меня знаете? – спросила Вера.

– Я вас не знаю, – дрожащим голосом проговорил юноша, повернулся и зашагал по коридору прочь.

– Молодой человек! – окликнула Вера строгим голосом.

Рыжий не остановился.

– Оставьте его! – громко произнесла Жанна у Веры за спиной.

Вера обернулась и недоуменно на нее посмотрела.

– Это наш пациент Ваня Венедиктов, – объяснила Жанна, чуть понизив голос. – Ему шестнадцать лет, и он чудесный мальчик. Его сюда привез отец полгода назад.

– Какой у него диагноз?

– Маниакально-депрессивный психоз.

– А почему он разгуливает по коридорам без присмотра?

Жанна скривила свой красивый, порочный, но уже начавший увядать рот.

– Видите ли, отец Вани регулярно оказывает клинике щедрую спонсорскую поддержку. После интенсивного лечения мальчик почти здоров. Он как бы привилегированный пациент нашей клиники. Понимаете?

– Честно говоря, не совсем.

– Ничего. Со временем вы все поймете. А вот и ваш «опекун». Его фамилия Шевердук.

– Как?

– Шевердук. Иван Федорович хороший врач и отличный мужик.

В приближающемся лысоватом высоком мужчине Вера узнала драчуна, который влепил пощечину вертлявому парню. Он шел по коридору, опустив голову и заложив руки за спину. Казалось, доктор настолько погружен в свои мысли, что не заметил двух женщин, стоявших прямо у него на пути, и если бы Жанна не окликнула его, просто прошел бы сквозь них.

– Иван Федорович! – От громкого оклика мужчина вздрогнул и поднял голову. – Иван Федорович, вы уже знакомы с нашей новой сотрудницей?

Шевердук остановился и рассеянно посмотрел на Веру.

– А, да-да. Здравствуйте, – он поправил пальцем очки в старомодной роговой оправе. – Вы та самая девушка, которая написала статью в «Медицинский вестник»? Кажется, что-то о статистических методах в психиатрии.

– Рада, что вы меня запомнили, – с усмешкой сказала Вера.

В кармане у Жанны зазвонил мобильник. Она извинилась и, прижав телефон к уху, отошла в сторону. Шевердук и Вера остались один на один.

Иван Федорович посмотрел на Веру из-под густых черных бровей и как-то задумчиво произнес:

– Значит, будете у нас работать...

– Да, – подтвердила Вера.

– Это хорошо. Нам не хватает толковых врачей. Вы ведь толковый врач?

Вера, слегка опешив, неуверенно ответила:

– Думаю, что да.

– Вот и хорошо, – кивнул Шевердук. – А то некоторые врачи вообще не имеют права называть себя врачами. Их место – на скотобойне, а не в психиатрической клинике.

– Вы имеете в виду врачей этой клиники?

Шевердук смутился и отвел взгляд.

– Нет, конечно, я говорю абстрактно, – хмуро буркнул он. – Он снова посмотрел на Веру и сказал: – Насколько я понимаю, вы пока что просто осматриваетесь?

– Да, вроде того, – пожала плечами Вера и с улыбкой добавила: – Ваш заведующий называет данный период «медленным погружением в исследовательский процесс».

– Мне это знакомо. Каждый из нас через то же самое проходил.

– И как? Успешно?

Шевердук неопределенно дернул плечом.

– Ну, я ведь здесь. Кстати, я сейчас обхожу больных. Не хотите пойти со мной?

– С удовольствием!

– Что ж, идемте.

И мужчина снова зашагал по коридору, набычив голову и заложив руки за спину. Вере пришлось поторопиться, чтобы нагнать его.

Глядя на мощную сутулую спину доктора Шевердука, девушка подумала: «Интересно, за что он дал по физиономии тому врачу? Два медика не сошлись во взглядах на проблему прекогнитивных трансов?»

– Я видела вас во дворе клиники, – сказала она. – Вы о чем-то беседовали с молодым блондином.

Шевердук остановился – так резко, что Вера на него едва не налетела.

– Вы нас видели? – хмуро спросил он.

– Мельком. Я проходила мимо окна и увидела, как вы разговариваете.

– Это все, что вы видели?

Вера кивнула:

– Да. А что?

– Ничего, – Иван Федорович повернулся и вновь двинулся вперед, пояснив на ходу: – Антон Сташевский – наш молодой врач.

– То, что он молодой, я заметила, – Вера покосилась на лицо доктора и осведомилась беззаботным тоном: – Он ваш приятель?

Шевердук угрюмо усмехнулся:

– Я бы так не сказал.

– Вы, кажется, не любите Сташевского. А заведующий уверял меня, что коллектив клиники – одна большая дружная семья.

– Он вас не обманул, – сказал Иван Федорович. – Вы замужем?

– Да.

– Ладите с супругом?

– В основном да.

– А у вас никогда не возникало желания задушить его?

Вера улыbnулась:

– Возможно.

Шевердук хмыкнул и пожал сутулыми медвежьими плечами:

– Вот вы и ответили на свой вопрос. Кстати, мы пришли.

Он остановился перед палатой. В дверь палаты было встроено широкое стекло, позволяющее обозревать все, что происходит внутри. Вера увидела белую кровать, на которой с книжкой в руках сидел худощавый темноволосый парень.

– Он нас видит? – тихо поинтересовалась Вера.

Шевердук качнул головой:

– Почти нет. Это специальное стекло – абсолютно прозрачное только с одной стороны и очень прочное. Его нельзя разбить даже кирпичом.

Вера снова взглянула на парня. Он был в поношенных джинсах и белой футболке с надписью «Мир». Худощавый, большеглазый, с трехдневной щетиной, с нежной, как у девушки, кожей.

– Кто он? – спросила Вера.

Шевердук усмехнулся.

– Некто Евгений Осадчий. Но наши женщины называют его «Евгений Онегин». Кажется, он им нравится.

– Нравится?

Иван Федорович кивнул:

– Угу. Чертовски обаятельный парень.

«Чертовски обаятельный парень» вдруг оторвал глаза от книги и посмотрел на Веру. Улыбнулся, кивнул ей и снова опустил взгляд в книгу. Вера сумела прочесть ее название: «Идиот» Достоевского.

– Он нас точно не видит? – уточнила она на всякий случай.

– Только силуэты, – ответил Шевердук.

– Ясно. Больной читает Достоевского?

– Да. Осадчий обожает классику. Он перечитал все книги из нашей библиотеки. Шекспир, Достоевский, Фолкнер... У него отличная память, и он может цитировать книги целыми страницами.

– Завидная способность, – сказала Вера. – Но я не уверена, что романы Достоевского – хороший выбор для пациента психиатрической клиники.

– Вы правы, – отозвался Шевердук. – Но мера вынужденная. Первый месяц мы держали Осадчего без книг, и он страшно буйствовал. Вначале объявил голодовку, потом попытался перерезать себе вены. Но как только мы принесли ему книги, он тут же успокоился и стал самым дисциплинированным пациентом клиники. В последнее время дела его идут в гору. Никакой агрессии. Никаких рецидивов. Эмоциональный фон в норме.

Вера снова взглянула в лицо парня. Осадчий отвел глаза от книги и о чем-то задумался. На лице у него застыла спокойная, безмятежная улыбка.

– Какой у него диагноз? – спросила Вера.

– Шизофрения, отягощенная манией величия, – ответил Шевердук. – Он поступил к нам в крайне тяжелом состоянии.

– И какую альтернативную личность он для себя выбрал? Наполеон? Или какой-нибудь великий писатель?

– Ни то ни другое. Во время приступов парень считает себя богом.

– Кем-кем?

– Богом, – с усмешкой повторил Шевердук. – Однако нам пришлось здорово потрудиться, чтобы выяснить это. Бог, которым себя воображал пациент, говорил на странном языке. Мы считали его язык вымышленным, но потом почти случайно узнали, что это один из диалектов

полинезийских дикарей. Пациент воображал себя божеством по имени Бакемаке, богом гнева и мщения, которому древние полинезийцы приносили человеческие жертвы.

– И он действительно говорил на их языке?

– Да, – снова кивнул Шевердук.

В глазах Веры застыло удивление.

– Я читала о подобных случаях, но сама никогда не сталкивалась ни с чем подобным, – сказала она, скрывая волнение. – Неужели такое возможно?

– Как видите, да.

– Удивительно, – тихо проговорила Вера. – Я бы хотела с ним поговорить.

Шевердук покачал головой:

– Нет.

– Почему?

– Осадчий один из наших «особых» больных, доступ к которым крайне ограничен. Мы не знаем, как он отреагирует на появление в палате нового человека. Вы можете спровоцировать рецидив. Его психика, несмотря на явное улучшение, находится в крайне нестабильном состоянии.

– Но ведь рано или поздно нужно начинать, – возразила Вера. – Я проходила практику и много раз общалась с шизофрениками.

– Меня допустили к прямому контакту с пациентами только на вторую неделю работы. Почему бы вам не подождать хотя бы недельку?

– Я специализировалась на шизофрении, – упрямо возразила Вера. – И была лучшей в группе.

Шевердук взглянул на Веру хмуро.

– Здесь не институт и не ординатура, – сухо проговорил он. – Мы врачи, и от наших действий зависит душевное и физическое состояние пациентов.

Теперь нахмурилась и Вера, которая не привыкла отступать. Тщательно подбирая слова, она негромко, но четко проговорила:

– Интересно, что вы сделаете, когда у вас иссякнут аргументы? Дадите мне пощечину, как Сташевскому?

Лицо Шевердука застыло, на скулах вздулись желваки. Несколько секунд доктор в упор смотрел на Веру темными глазами (ей стоило больших усилий не отвести взгляд), после чего медленно сказал:

– Хорошо. Но наедине с ним я вас не оставляю.

– Само собой, – кивнула Вера. – Кстати, а что он натворил? За что его сюда направили? Могу я взглянуть на его карту?

– Нет, не можете, – отчеканил Шевердук. – Больничная карта Евгения Осадчего находится в сейфе у заведующего.

– Почему?

– Некоторые наши пациенты подпадают под особую категорию. В крайне сложных случаях работу доверяют только самым опытным врачам. При устройстве в клинику вас должны были об этом предупредить.

– Меня предупредили, – сказала Вера, смягчив голос. – И я не собираюсь ни на чем настаивать. Я просто хочу побеседовать с этим пациентом.

5

Евгений Осадчий отреагировал на появление Веры спокойно. Он лишь удивленно вскинул брови, вежливо поздоровался и, услышав ответное приветствие, спросил, слегка заикаясь:

– Вы наш новый в-врач?

– Да, – ответила Вера, усаживаясь на стул. – Сегодня мой первый рабочий день.

Евгений улыбнулся:

– Поздравляю. Когда-то я тоже хотел стать врачом.

– Что же вам помешало?

– Нерешительность. Однажды, мне тогда было лет десять, мы с родителями отправились в п-поход. В лесу моя мама наступила на стекло, и оно глубоко вонзилось ей в ногу. Звать на помощь было некого. Тогда папа взял нож, вынул из аптечки йод и сам прооперировал маму. Все закончилось хорошо, но я понял, что не выношу вида к-крови.

Вера выслушала рассказ Евгения с интересом. Пока она не видела никаких симптомов шизофрении. Пациент был оживлен, общителен и приветлив. О своей семье вспоминал без всякого негатива. Рассказ его был внятн, события в нем шли своим чередом. Рассказывая, Осадчий не отвлекался. Да и с памятью у него, если верить Шевердуку, все в порядке.

– Ваши родители сильно любили друг друга? – спросила Вера.

– Еще как! Знаете, как они п-познакомились? О, очень смешная история. Мама сидела в кафе, читала конспект и пила кофе. Неожиданно к ней за столик п-подсели два амбала. Они стали приставать к маме, хамить ей... И тут к столику подошел парень. Подошел и г-говорит: «Господа, а вам не к-кажется, что вы здесь лишние?» Ну, амбалы послали его куда подальше. Но не тут-то было. Парень поднял п-поднос и говорит: «Траектория движения подноса, умноженная на центробежную силу и увеличенная силой п-притяжения, равной сумме энергии и массы подноса, сделает удар невероятно мощным. А толщина вашего черепа равна всего лишь п-полтора сантиметрам. Если хотите проверить правильность моих расчетов, пожалуйста, оставайтесь на месте».

– И что, амбалы убежали? – спросила Вера.

– Точно! Да так б-быстро, словно их ветром сдуло! – Евгений взглянул на Веру весело и рассмеялся. – Так мой отец доказал, что тупая физическая мощь – ничто перед острым, смелым умом.

«Уровень интеллектуальной и физической активности достаточно высок, – продолжала анализировать пациента Вера. – Рассуждения логичны. Реальный мир воспринимается адекватно. Парень явно идет на поправку».

Евгений чуть прищурил свои большие карие глаза, окаймленные длинными, пушистыми ресницами, и мягко сказал:

– А вы н-необычная.

Вера взглянула на Евгения удивленно:

– Что же во мне необычного?

– Вы добрая, – ответил пациент.

– Ну, это как раз обычная вещь, – с улыбкой возразила Вера.

Евгений покачал головой и горячо проговорил:

– Не думаю. В наше время доброта – непозволительная роскошь. Остальные здешние врачи особой д-добротой не отличаются.

– Они добрые, – заверила парня Вера. – Просто не показывают этого.

– Добрые? – Евгений грустно усмехнулся. – Если так, то они не только не показывают, но и очень тщательно скрывают это. – Он ненадолго о чем-то задумался, затем повернул голову к Шевердуку и спросил: – Иван Федорович, у меня есть шанс когда-нибудь выйти из к-клиники?

– Шанс есть, – ответил Шевердук спокойно. – Но курс лечения еще не закончен.

– Когда же я отсюда выйду?

– Все будет зависеть от того, насколько успешным окажется лечение, – невозмутимо откликнулся Шевердук.

Осадчий снова повернулся к Вере и горько усмехнулся.

– Вы слышали? Здешние врачи не только добры, но и честны. На любой свой вопрос ты всегда можешь получить п-правдивый ответ.

Осадчий по-прежнему смотрел на Веру, и Вере вдруг стало неловко от его взгляда. Она отвела глаза.

– Думаю, нам пора, – Шевердук сделал шаг к выходу.

Когда Вера подходила к двери, парень окликнул ее:

– Можно вас спросить?

Вера остановилась и обернулась.

– Вы еще п-придете? – Евгений говорил взволнованно.

– Возможно.

– П-приходите! *Они* вам не позволят, но вы найдете способ обвести их вокруг пальца.

– Ты сегодня слишком болтлив, – мрачно обронил Шевердук. – Идемте, Вера Сергеевна.

И они вышли из палаты.

6

– Парень явно идет на поправку, – сказала Вера спутнику, уже в коридоре. – Рассуждает он здраво, и я не заметила никакой агрессии.

– Он вам понравился?

– Славный парень. И он так мило рассказывал о своем отце.

– Мило? – Шевердук мрачно усмехнулся. – Его отец был мясником. Однажды он пришел домой, достал из сумки нож и перерезал жене горло. А потом взялся за детей. Из троих сыновей уцелел только Евгений.

Ресницы Веры дрогнули.

– Ужасно, – пробормотала она.

Шевердук пожал плечами:

– Такова жизнь.

Вера снова взглянула на Евгения через дверное стекло. Лицо парня было безмятежным.

– Он об этом помнит?

– Вряд ли. Ему тогда было лет шесть. После того случая мальчик два года наблюдался у психиатра.

– Бедный парень. Вы связываете его болезнь с психической травмой?

– Я этого не исключаю. Но при лечении он никогда не возвращался мыслями к той истории. Ни словом, ни намеком. Даже под гипнозом.

Вера нахмурила лоб и задумчиво проговорила:

– Странно.

– Да, странно, – мрачно отозвался Шевердук. – Обычно в таких случаях амнезия не бывает настолько глубокой и стойкой. А теперь пойдемте – я покажу вам самого знаменитого нашего пациента.

Самый знаменитый пациент оказался громадным лысым мужчиной лет сорока пяти. Гигант был в полосатом больничном халате и таких же полосатых штанах. Склонившись над столом, великан держал в огромных пальцах маленький циферблат часов и внимательно разглядывал его через монокль, вставленный в правую глазную впадину.

На стене висели еще два циферблата, каждый размером с тарелку. На одном не было стрелок, а на втором секундная стрелка двигалась в обратную сторону.

Остановившись перед окном, Иван Федорович сказал:

– Настоящего имени этого человека не знает никто. Мы называем его Часовщик. У него была сильная мозговая травма – по всей видимости, несколько лет назад он попал в аварию. У него был проломлен череп. Видите вмятину и шрам с левой стороны головы?

Вера пригляделась и отчетливо увидела небольшую вмятину чуть повыше левого виска гиганта. Шевердук продолжил:

– Может быть, вы вспомните: полтора года назад в Москве объявился маньяк, который душил людей стальной проволокой. В газетах тогда поднялась страшная шумиха.

– Да, я читала, но сейчас уже плохо помню.

– На счету Часовщика восемнадцать трупов, – сказал Шевердук. – За час до ареста он выследил в парке целующуюся парочку, набросил им на шею проволоку и тянул до тех пор, пока стальная нить не срезала несчастным влюбленным головы. А потом поднял головы с земли и отправился гулять по городу. Так его и взяли.

Вера смотрела на Часовщика с ужасом. Словно почувствовав ее взгляд, верзила обернулся. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза.

– Он объяснил, почему убивал?

– Он не проронил ни слова с момента ареста.

– Он не глухонемой?

Шевердук усмехнулся.

– Мы проверили его голосовые связки и слуховой аппарат. Все в полном порядке.

– И все же он не говорит... – задумчиво пробормотала Вера, пристально разглядывая лысого грузного гиганта. В ней начал просыпаться врачебный азарт. – А у людей, которых он убивал, было что-то общее? – спросила она вдруг.

– Только одно – все его жертвы были молодыми. Старики его не интересовали.

– Может быть, ему не нравилось смотреть, как люди стареют? – предположила Вера. – Вот он и спасал их от старости. Единственным доступным ему способом.

– Я тоже так думал, – отозвался Шевердук. – Убийство как акт милосердия... Но все это лишь наши с вами догадки. Мы должны помнить о двух вещах. Первая – перед нами сидит страшный убийца. Вторая – он очень опасен.

– Есть еще третья вещь: перед нами сидит больной человек. И мы обязаны ему помочь. Как давно он в клинике?

– Полтора года. На вид Часовщик сейчас практически безвреден. Но кто знает, что творится у него в голове?

– Какой диагноз ему поставили?

– Единственно возможный – аутизм.

Вера посмотрела на Шевердука удивленно.

– Вы хотите сказать, что вот этот человек – аутист?

Шевердук едва заметно пожал плечами:

– Мы применили несколько методик, пытаясь диагностировать заболевание. Но случай оказался слишком сложным. Можете считать его шизофреником, если вам так легче.

Шевердук покосился на широкую спину Часовщика и вздохнул.

– Если у парня и есть галлюцинации, то он ничего нам о них не рассказывает. Он не проявляет видимого беспокойства, с утра до вечера возится со своими часами и молчит. За те полтора года, что он находится у нас, не издал ни звука. Я даже не слышал, как он кашляет или чихает.

Глаза Веры разгорались все ярче.

– Что насчет альтернативной личности? – поинтересовалась она.

– Мы не смогли зафиксировать ее наличие или отсутствие, – Шевердук заложил руки за спину и уставился на Часовщика. – То же касается и его основной личности – она никак себя не проявляет. Если в один прекрасный момент Часовщик заговорит и скажет, что является посланцем с Марса, я вынужден буду ему поверить. И знаете, я не просто поверю, а даже обрадуюсь, – добавил Шевердук мрачно.

– Почему?

Психиатр усмехнулся темными губами.

– Потому что тяжело общаться с человеком, который ведет себя как каменная глыба. У типа только два естественных проявления – он ест и испражняется.

– И, вероятно, спит?

Шевердук сдвинул брови, глухо проговорил:

– Так должно быть, но я никогда не видел его спящим. И не только я. Никто в клинике не видел Часовщика спящим. Он все время бодрствует.

Вера наморщила лоб:

– Каннигулярный сон?

– Возможно. Но энцефалограмма это не подтвердила. Его мозг круглые сутки напролет пребывает в активном состоянии, в то время как сам человек больше похож на камень или деревянную колоду. Двигаются только его пальцы.

Некоторое время Вера наблюдала за пальцами Часовщика. Потом спросила:

– Откуда у него часы?
– Черневицкий распорядился выдать ему несколько циферблатов со сломанными часовыми механизмами, – ответил Иван Федорович.
– Он их починил?
– Да. Но его часы, в лучшем случае, ходят в обратную сторону, в худшем – лишены стрелок.

– Интересный симптом, – заметила Вера.
– Да, но слишком неопределенный, который можно истолковать десятью различными способами, а потому для диагностики не очень пригодный. И еще...

Тут Шевердук сделал паузу и взглянул на Веру сквозь блеснувшие стекла очков.

– Я не сказал вам главного. С сегодняшнего дня Часовщик – ваш пациент.

Щеки Веры слегка порозовели.

– Значит, я могу с ним поговорить? – в голосе девушки звучало нетерпение.

– Конечно.

– Отлично!

До сих пор она никогда не сталкивалась с такими странными случаями и читала о них только в книжках по психиатрии. Ей едва удавалось скрывать возбуждение.

Шевердук открыл замок пластиковым электронным ключом, распахнул дверь палаты и жестом пригласил Веру внутрь.

Вера вошла и села в мягкое кресло. Теперь ее отделяла от Часовщика стена из небьющегося стекла с ровным рядом небольших отверстий, расположенных на уровне ее лица.

– Ближе к перегородке не подходите, – предупредил Шевердук.

Он прошел к небольшой панели, вделанной в стену с кнопками и клавишами, и нажал на одну из кнопок. Стул, на котором сидел Часовщик, отъехал от стола, развернулся и плавно подъехал к стеклянной перегородке.

«Чудеса техники», – усмехнулась Вера.

Теперь они сидели с Часовщиком лицом к лицу. Часовщик не удивился, не поднял голову, он вообще никак не отреагировал на перемену своего положения. Лишь его толстые пальцы перестали двигаться и зависли в воздухе, как у игрушечного робота, у которого внезапно кончился завод.

– Меня зовут Вера Сергеевна, – громко и отчетливо проговорила Вера. – Я – ваш новый лечащий врач.

Часовщик снова никак не отреагировал.

– Где вы научились ремонтировать часы? – спросила она.

И вновь никакой реакции. Вера внимательно наблюдала за его лицом.

– Знаете, а вы симпатичный, – сказала она вдруг, надеясь расшевелить его неожиданной репликой. – В наше время почти не осталось таких крупных и сильных мужчин.

Никакой реакции.

– Это на него не подействует, – прокомментировал Шевердук. – Два месяца назад мы делали ему пункцию. Боль невыносимая, а у него даже зрачки не расширились.

Вера взглянула на Шевердука снизу вверх:

– Не возражаете, если я проведу тестирование по методу Брагге?

Иван Федорович пожал плечами:

– С сегодняшнего дня он ваш пациент. Поступайте так, как считаете нужным. – Затем доктор, заметив смущение на лице Веры, усмехнулся и добавил: – «Здесь нужно, чтоб душа была тверда; здесь страх не должен подавать совета».

Вера удивленно прищурилась.

– Данте?

Шевердук кивнул:

– Песнь третья. У входа в ад.

– Да-да, я помню. «Оставь надежду всяк сюда входящий» и все такое. Спасибо за доброе напутствие.

И Вера снова повернулась к Часовщику...

* * *

Час спустя Вера вышла из дверей клиники. Настроение у нее было хорошее. Работа в клинике открывала самые широкие перспективы. Если удастся здесь «зацепиться», можно сделать отличную карьеру.

– Вера Сергеевна! – окликнул ее кто-то.

Вера обернулась и увидела, что ее нагоняет Тимур Альбертович Астахов. На его красивых губах играла очаровательная улыбка. Поравнявшись с Верой, он спросил:

– Вы позволите вас проводить?

– А разве вы уже закончили? – удивилась Вера.

– Нет, но мне нужно слегка проветриться. Голова тяжелая. Прогуляюсь, подышу воздухом.

– Тогда конечно, – улыбнулась Вера.

– Идемте?

– Идемте.

И они зашагали рядом по асфальтовой дорожке, ведущей через рощу к коттеджному поселку.

– Вам понравилась клиника? – спросил Астахов.

– Да, – честно ответила Вера. – Здесь очень интересные пациенты.

– Не то слово, – улыбнулся ее собеседник. – Если подойти с умом, то каждая история болезни – готовая диссертация. Впереди вас ждет множество увлекательных открытий.

– Но пока у меня нет допуска к исследовательской работе, – вздохнула Вера.

– Да, я знаю, – кивнул Тимур Альбертович. – Допуск дается не сразу. Но вы не должны расстраиваться. Кстати, если что-то понадобится – я всегда к вашим услугам.

– Спасибо.

– Не за что. Мы ведь коллеги.

На пути у них блеснула лужа. Вера остановилась в нерешительности, пытаясь сообразить, с какой стороны ее лучше обойти. Астахов шагнул на торчащий среди воды островок более-менее сухого асфальта и ловко перепрыгнул через лужу. Затем протянул Вере руку и сказал:

– Держитесь!

Опершись о руку Астахова, Вера без труда преодолела препятствие и, оказавшись по другую сторону лужи, попала в объятия Тимура Альбертовича.

Астахов приблизил к ней свое лицо и тихо сказал:

– Верочка, я страшно рад, что вы будете работать в нашей клинике. Что, если мы как-нибудь поужинаем вместе? Обсудим пациентов, поговорим о перспективах.

– В принципе, я не против.

Вера попыталась высвободиться, но Астахов не позволил.

– Значит, да? – спросил он, глядя ей в глаза своими бархатистыми, темными глазами.

– Да.

Астахов улыбнулся и вдруг попытался ее поцеловать. Вера увернулась и оттолкнула его. И тут случилось нечто столь же драматичное, сколь и комичное – отступив от Веры на шаг, Тимур Альбертович споткнулся и шлепнулся задом в лужу.

– Черт! – воскликнул он в сердцах.

Вера засмеялась.

– Мягкая посадка, правда? – весело осведомилась она.

Астахов поднялся на ноги и досадливо поморщился.

– Не понимаю, чего вы злорадствуете. Я всего лишь хотел помочь вам перейти через лужу.

– И у вас получилось! Кстати, меня не зря зовут Вера. Я очень верная жена. Не простудитесь. – Вера помахала Астахову рукой. – Чао!

Тимур Альбертович проводил Веру хмурым взглядом, а когда она свернула за деревья, перевел глаза на мокрый плащ, вздохнул и с легкой усмешкой пробормотал:

– По крайней мере, я попытался.

7

– Тенишев, я дома!

Вера кинула сумочку на стул, сбросила туфли, сняла плащ и прошла в мастерскую.

Алексей стоял у мольберта и задумчиво смотрел на полотно. Завидев Веру, он набросил на холст покрывало, повернулся и весело проговорил:

– Привет, заяц!

Стоя посреди мастерской, они обнялись и поцеловались.

– Где Ольга? – спросила Вера.

– Прилегла отдохнуть. Ей что-то нездоровится сегодня.

– Нездоровится? – тревожно переспросила Вера.

Тенишев кивнул:

– Угу. Тебе бы тоже нездоровилось, если бы ты выпила бутылку вермута. Как тебе клиника?

– Там все именно так, как я себе представляла. Ну а ты? Ты уже освоился в новом доме?

– Конечно.

Вера привстала на цыпочках и потерлась носом о нос мужа.

– Теперь мы счастливы? У нас есть деньги, у тебя имеется своя мастерская. Мы будем работать и радоваться жизни.

– Точно! Наконец я перестану бегать по городу высунув язык. Буду пить чай с печеньем пять раз в день. Образу толстым-толстым слоем лени и превращусь в неповоротливого тюленя.

– Это тебе не грозит.

– Почему?

– Я постараюсь, чтобы ты не оброс жирком.

– Будешь мало меня кормить?

– Буду заставлять тебя много двигаться. Особенно по ночам.

Алексей улыбнулся:

– Звучит неплохо! Хочешь, чтоб мы начали прямо сейчас?

Он стиснул ее в объятиях, но Вера со смехом отстранилась:

– Нет, сначала мы поедим, а то я весь день прожила на одном кофе. Еще чуть-чуть и сама превращусь в кофейное зернышко.

– Тогда я посажу тебя в горшок и буду поливать минеральной водой. А когда ты вырастешь...

Что должно произойти, когда Вера вырастет, Алексей рассказать не успел – в дверь позвонили. Супруги удивленно воззрились в сторону прихожей.

– Кто бы это мог быть? – растерянno проговорила Вера.

– Кто-нибудь из соседей, – небрежно ответил Алексей. – Тут, кроме нашего, еще три коттеджа. – Он нахмурился и проворчал: – Нашли время...

– Тенишев, не будь злокой. С соседями надо дружить. Пойду открою.

На пороге стоял пожилой, очень морщинистый человек с седой челкой и крючковатым носом. Вера узнала в нем врача Павла Сергеевича Плучека, с которым познакомилась в коридоре клиники.

– Я тут прогуливался неподалеку, увидел свет у вас в окне и решил зайти, – сообщил мужчина с виноватой улыбкой.

– И правильно сделали, – заверила его Вера. – Проходите в комнату, я познакомлю вас с мужем, а потом мы будем пить чай с вареньем.

– Чай – это хорошо. Но я кое-что принес с собой.

Плучек вынул из-за спины пакет и потрянул им. В пакете что-то звякнуло.

– Вы всегда выходите на прогулку с бутылкой? – весело поинтересовалась Вера.

Плучек улыбнулся:

– Вы меня раскусили. Я специально шел к вам. Жизнь в поселке довольно замкнутая. К тому же я живу один и никогда не упускаю возможности поболтать с новыми людьми. Разуваться нужно?

– Да. Вот вам мягкие тапочки.

– Благодарю.

Вера ввела Плучека в гостиную и представила мужу:

– Леша, познакомься – Павел Сергеевич Плучек, мой коллега.

– Очень приятно! – Алексей встал с кресла и протянул гостю руку.

– Будем считать, что это правда, – усмехнулся тот, ответив на рукопожатие. – Что касается меня, то я действительно очень рад с вами познакомиться. Всегда приятно предполагать в новых знакомых хороших людей. Вы ведь хорошие люди?

– Выпьем – узнаете, – пообещал Алексей, увидев торчащие из пакета бутылки.

Плучек кивнул:

– Дельное замечание. Вера, ваш муж не только талантлив, но и умен.

– С чего вы взяли, что я талантлив?

– Ведь в прихожей ваша картина висит?

Алексей слегка порозовел.

– А она вам понравилась?

Плучек покачал головой:

– Нет. Но я достаточно объективен, чтобы признавать талантливыми произведения, которые мне не по вкусу.

Алексей прищурил глаза:

– Чем же полотну вам не понравилось?

– Слишком много экспрессии и ярости. А я человек миролюбивый и меланхоличный. Верочка, вы ведь выпьете с нами?

– Немного.

– А много и нет. Кроме того, поблизости нет магазинов и ларьков, так что за «догоном» бежать некуда. В нашей глуши не сопьешься, даже если очень сильно захочешь.

Вера с Алексеем принесли из кухни копченое мясо, сыр, хлеб и несколько кусков яблочного пирога, оставшегося со вчерашнего ужина, и вскоре троица расположилась за накрытым столом.

– И все-таки забавно, что вы находите мой стиль яростным, – сказал Алексей, нарезая мясо. – Во мне ярости не больше, чем в ослике Иа. Возможно, я экспрессивен, да. Но яростен...

– Тенишев покачал головой: – Нет, я не яростен.

– Не стану спорить, – примирительно проговорил Плучек. – Я ведь не видел других ваших картин.

– Хотите посмотреть? – оживился Алексей.

– Я...

– В другой раз! – сказала Вера. – Человек пришел к нам на ужин, дай ему спокойно поесть.

– Духовная пища ничем не хуже вчерашнего яблочного пирога, – гордо заявил Алексей.

– Возможно, – согласилась Вера. – Но у нас есть сыр и копченое мясо. С такими противниками ты не станешь спорить?

Тенишев отрицательно качнул головой:

– Нет. Я их просто съем!

Плучек засмеялся, вынул из пакета бутылку вина и поставил ее на стол. Вера взглянула на этикетку и округлила глаза.

– Какое дорожное вино!

– О да, – кивнул Плучек.

– Может быть, оставите его себе для более торжественного случая?

– Бутылка стояла в серванте уже несколько лет – до сих пор мне было не с кем ее выпить. Я хочу использовать свой шанс. Покончим с этим вином, возьмемся за другое. В пакете еще две бутылки, но уже поскромнее.

Вера вскочила со стула.

– Я принесу штопор!

– Не нужно, – остановил ее Плучек. – У меня есть свой.

Павел Сергеевич достал из кармана какую-то вещицу и показал ее Вере с Алексеем. Небольшая бронзовая статуэтка изображала какую-то экзотическую птицу, а вместо клюва у нее был штопор.

– Подарок бывшей жены, лет десять назад привезла безделушку из Италии, – объяснил Плучек, – птичка для меня что-то вроде талисмана, я никогда с ней не расстаюсь.

Сосед быстро открыл бутылку, затем сложил штопор и убрал его в карман пиджака. Вскоре вино было разлито по бокалам и распробовано.

– Вкусно, – похвалила Вера. – Леш, тебе как?

– Мне нравится, – важно ответил Алексей. – Я сделал только один глоток, а уже выпил долларов на десять. Обожаю вкус денег!

Он засмеялся, Павел Сергеевич и Вера подхватили его смех.

Отпив еще немного вина, Вера спросила:

– Павел Сергеевич, а вы давно здесь работаете?

– Довольно давно, – кивнул Плучек. – Устроился в клинику три года назад, а до того работал в Новосибирске. Но там у меня не заладилось – кое-какие мои идейки казались руководству бредовыми. Я уже хотел бросить психиатрию, когда мне вдруг позвонили из «Дубовой роши», сказали, что заинтересовались моей работой по галлюцинаторной технике, опубликованной в «Медицинском вестнике», и предложили контракт. Я согласился.

– Значит, в клинике занимаются исследовательской работой? – уточнил Алексей.

– Конечно. Иначе бы меня здесь не было.

Плучек отхлебнул из бокала, посмотрел сквозь вино на свет и медленно продолжил:

– Вера Сергеевна, не знаю, сказал ли вам Черневицкий, но вас взяли на место другого молодого врача. Вероника Холодова была очень способной девушкой...

– Она уволилась?

Гость покачал головой:

– Нет. Утонула. К северу от клиники есть жуткое болото. Предупреждаю: будьте осторожны, когда отправитесь на прогулку по окрестностям.

– Как такое могло случиться? – заволновалась Вера.

– Боюсь, никто не сможет ответить вам на вопрос. Свидетелей не было. Никто не знает, что потянуло Веронику на болото ночью.

– Она утонула ночью?

– Да.

Алексей нахмурился и осведомился с мрачноватой иронией:

– А вы уверены, что она была врачом, а не пациентом? Мне кажется, здравомыслящий человек никогда не полезет ночью на болото.

– Бывают разные обстоятельства... – пожал плечами Плучек. – Впрочем, не будем о грустном. Давайте лучше выпьем за вас.

Вскоре бутылка дорогого вина опустела, и гость достал из пакета вторую. Павел Сергеевич произнес еще несколько тостов, после чего Алексей, обожавший дискуссии и уже немного опьяневший, вступил с ним в полемику. Вера в тот момент вышла на кухню за очередной порцией сыра и мяса.

– Значит, вы утверждаете, что сумасшедших людей вообще нет? – горячился Алексей.

– Я всего лишь сказал, что психиатрия – наука неточная, – возразил Плучек. – Грань между патологией и вариантом нормы крайне расплывчата.

Алексей несколько секунд вглядывался в лицо Плучека, пытаясь понять, шутит тот или нет. Но лицо врача было невозмутимо, и Тенишев тряхнул головой:

– Вот ведь нелепость. Вы, психиатр, убеждаете меня в том, что психов не существует!

– Я так не говорил. Сказал лишь, что это возможно. При диабете или ревматизме у человека можно взять анализы и на их основе сделать вывод о том, болен человек или нет. А какой анализ вы возьмете у человека, страдающего маниакально-депрессивным психозом? Его моча и кровь не отличаются от наших с вами. Кроме того, некоторые психические заболевания вообще придуманы в угоду общественному мнению.

– И все же, что бы вы ни говорили, а психа видно сразу. Гитлер, например, был типичный псих!

Плучек засмеялся:

– О да! Многие психиатры пытались поставить ему диагноз. Один немецко-американский психолог по фамилии Фромм даже решил, что Гитлер страдал скрытой формой некрофилии.

– Некрофилия – это любовь к трупам? – уточнил Тенишев, наморщив нос.

– Что-то вроде того, – кивнул Павел Сергеевич. – Фромм вывел несколько симптомов скрытой некрофилии. Вот вы, например, как относитесь к фотографиям?

– Нормально. Я люблю фотографии, особенно черно-белые.

Павел Сергеевич кивнул:

– Отлично! Но любовь к черно-белым фотографиям – один из симптомов некрофилии.

А в детстве вы мучили животных? Только честно.

– Ну... Однажды я оторвал лапки муравью...

– Зачем?

Алексей пожал плечами:

– Уже не помню. Дети всегда отрывают лапки насекомым.

Плучек поднял указательный палец и изрек:

– Второй симптом! Я мог бы продолжить список, но не стану.

В комнату вошла Вера с подносом в руках.

– Привет, мужчины. О чем спорите?

Тенишев откинулся на спинку кресла и обиженно заявил:

– Твой коллега вынес мне диагноз.

– Правда? – Вера поставила на столик поднос и поинтересовалась: – И кто же ты у нас?

– Некрофил!

– Я давно это подозревала. Но лучше бы ты был сексуальным маньяком.

Алексей трагически вздохнул:

– Болезнь не выбирают. Прими меня таким, какой я есть.

Вера чмокнула мужа в щеку и села на диван. Алексей, вооружившись ножом, стал резать мясо тонкими ломтиками, а Вера слегка наклонилась вперед и тихо попросила Плучека:

– Павел Сергеевич, расскажите мне о той девушке.

– О какой? – не понял Плучек.

– О той, что была до меня.

Гость нахмурился.

– Ну... Она так же, как и вы, приехала к нам сразу после окончания ординатуры. Что еще вы хотите знать?

– Приехала сюда одна?

Плучек кивнул:

– Да. В последнее время она как-то захандрила. Не знаю, может быть, ей стало тоскливо... Места у нас тут довольно дикие.

Павел Сергеевич отпил из бокала и продолжил:

– Зимой у нас здесь бывает очень мрачно. Листья с деревьев опадают, небо затянуто темными облаками. Да еще и болото... – Павел Сергеевич передернул плечами. – Жуткое место! Осень в наших краях тоже не слишком хороша. Я ненавижу осень со всеми ее туманами, сыростью и прочими прелестями. С определенного возраста некоторые времена года начинают казаться человеку грубой пародией на него самого.

Взгляд Веры стал задумчивым.

– По крайней мере, теперь я понимаю, почему Венедиктов окликнул меня, – проговорила она негромко. – Вероятно, он спутал меня с Вероникой Холодовой.

– Возможно, – согласился Плучек. – Хотя вы с ней совершенно не похожи. Вера Холодова была девушкой нервной и склонной к истерике. Вы не производите такого впечатления.

Алексей обнял жену и весело проговорил:

– Верка – девушка твердая и несокрушимая. Как дуб.

– Сам ты дуб! – фыркнула Вера.

Вскоре и третья бутылка подошла к концу. Алексей пошел на кухню за минеральной водой, а Павел Сергеевич засобирался домой.

В прихожей он как-то странно взглянул на Веру и заговорил тихим, глухим голосом:

– Вера, пока вашего мужа нет, я хочу вам кое-что сказать... Наша клиника – необычное место. Однажды... может быть, даже очень скоро... вам захочется... – Он мотнул головой и поморщился. – Черт, не знаю даже, как сформулировать. В общем, прежде чем на что-то решиться, тщательно подумайте о последствиях.

– Вы меня интригуете.

Мужчина улыбнулся и продолжил:

– Наверное, мои слова похожи на шутку, но... Вероятно, я и сам выгляжу как шут. Как старый, никому не нужный шут... И все же, будьте осторожны. Не верьте ничему, что видите и слышите. Здесь... – он обвел рукою пространство вокруг, – здесь любая вещь может оказаться не тем, чем она хочет казаться. Вы меня понимаете?

– Не очень.

Плучек вздохнул.

– Знаете... А, ладно, не берите в голову. Просто бред пьяного старика. Относитесь ко всему проще, и все будет в порядке. Всего доброго!

– Дождитесь Алексея, он сейчас подойдет...

Плучек качнул головой:

– Не стоит. Вы просто передайте ему, что он замечательный парень. Честь имею!

* * *

– Станный тип, – сказал Алексей. – Похож на алкоголика.

– Он тебе не понравился?

– Мне не нравятся алкоголики. Ума не приложу, как его терпят в клинике?

– Павел Сергеевич – отличный врач.

– Не сомневаюсь. Думаю, он умеет беседовать с пациентами на их языке – просто потому, что другого языка он не знает.

– Тенишев, кончай занудствовать!

– Как скажешь, моя милая королева сумасшедших!

Вера нахмурилась:

– Не называй меня королевой сумасшедших. Иначе я стукну тебя стаканом по голове.

– Стучи. Он все равно пластиковый.

Вера допила воду и замахнулась на мужа стаканчиком. Тот поймал ее за руку и притянул к себе. Впившись в губы жены поцелуем, Алексей мягко уложил ее на диван и принялся расстегивать пуговицы на кофточке.

– Ольга услышит... – взволнованно прошептала Вера.

– Не услышит, – хрипло прошептал в ответ Алексей. – Да мне и плевать. Я согласился, чтобы она жила с нами, но на условии, что она не будет мешать нам заниматься любовью. Иди сюда!

Через двадцать минут Вера откинулась на подушку и перевела дыхание. Волосы ее растрепались, губы припухли, на щеках проступил румянец.

– Боже, как же я тебя люблю! – тихо проговорила она. – Сама не знаю за что.

– Я красивый, – весело сказал Алексей, зарывшись лицом в ее волосы и вдыхая их аромат.

– Вовсе нет.

– Ну... тогда я умный.

– Ты балбес.

– Но я талантливый.

– Если верить твоим критикам, то и это под сомнением.

– Даже не знаю, что еще сказать... – Алексей провел пальцем по ее подбородку и заявил: – Я скромный!

Вера засмеялась:

– Вот уж в чем тебе точно не откажешь.

Алексей встал с дивана.

– Ты куда? – насторожилась Вера.

– На улицу. Хочу подымить своей носогрежкой.

– Кури на кухне.

– Угу. А утром твоя драгоценная сестренка заявит, что я провонял табаком весь дом.

– И будет права. Не уходи далеко, ладно?

– Дальше крыльца не уйду, – пообещал Алексей, сгреб с полки трубку и коробку с табаком и зашагал в прихожую.

8

На улице было прохладно, и Алексей поднял ворот куртки. Затем неторопливо набил трубку табаком, достал из кармана зажигалку и закурил. Выпустив облако дыма, посмотрел, как оно расплывается в темном воздухе, потом опасливо покосился на дверь и осторожно двинулся вдоль стены.

Обойдя дом с западной стороны, он остановился возле окна. В комнате Ольги горел ночник: старшая сестра жены боялась темноты. Алексей заглянул в окно. Ольга лежала на кровати, раскинув руки. Одеяло сползло с ее голой левой груди, обнажив сосок. Алексей вздохнул и отпрянул от окна. «Какого черта я здесь делаю? – с досадой подумал он. – Нужно поскорее повесить шторы. Живем, как в аквариуме». Собрался уже вернуться на крыльцо, как вдруг заметил на краю поляны светлую фигуру.

Девушка стояла метрах в двадцати от дома. Стояла неподвижно и смотрела на Алексея. В лунном свете ее одинокая фигурка на фоне темной дубравы выглядела жутковато. Он хотел незнакомку окликнуть, но передумал. Не надо, чтобы Вера слышала его крик – еще испугается.

Мысль о том, что девушка могла стоять у окна и смотреть, как они с Верой занимаются сексом, заставила Алексея содрогнуться. Он вдруг вспомнил, что и правда заметил тогда краем глаза в окне какое-то движение, но списал его на колыхание свечного пламени, отразившееся в стекле. Теперь же был почти уверен, что незнакомка наблюдала за ними в окно, и поморщился, передернул плечами. Отвратительно!

Девушка продолжала стоять, глядя в сторону Алексея. Это стало выводить его из себя. Тенишев решил подойти поближе и выяснить, кто она такая. Однако стоило Алексею тронуться с места, как незнакомка тут же повернулась и двинулась к лесу.

– Эй! – тихо окликнул Алексей и пугливо покосился на дом. – Эй, вы! Пойдите!

Тенишев зашагал за девушкой. Однако, как ни старался он идти быстро, догнать ускользающую фигурку ему не удавалось. Пройдя метров двести, Алексей наткнулся на невысокий столб, к которому была прибита широкая доска с какой-то надписью. Алексей подошел поближе и прочел:

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ГАТИНСКОЕ БОЛОТО.

БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ!

– Спасибо, что предупредили, – проворчал Тенишев.

Алексей взгляделся во тьму, и ему стало не по себе. Куда, черт побери, девалась девушка?

В конце концов он махнул рукой, повернулся и зашагал назад. Пока Тенишев шел, ему все время казалось, что кто-то смотрит ему вслед. Лишь переступив порог дома и закрыв за собой дверь, Алексей вздохнул облегченно.

Вера уже расстелила постель и забралась под одеяло. Алексей сел на край кровати и принялся с мрачным выражением лица расстегивать рубашку.

– Почему ты дрожишь? – спросила Вера.

– Замерз.

– Разве на улице холодно?

– Просто продрог на ветру.

Вера, улыбаясь, протянула ему навстречу руки:

– Иди ко мне – я тебя согрею!

Алексей передернул плечами.
– Что-то я устал, – глухо проговорил он.
– Ты? – удивленно вскинула брови Вера.
– И на старуху бывает проруха, – усмехнулся Алексей. Взглянул на окно и нахмурился. –
Слушай, мы так и будем жить без штор?
– Они в коробке. Завтра повешу.
– У тебя никогда нет времени на домашние дела! – с раздражением сказал Алексей. –
Подкладку на моей замшевой куртке до сих пор не зашила.
– Леш, мне было некогда.
– С других художников жены пылинки сдувают! А моя...
Улыбка покинула губы Веры. Она отвернулась и пробормотала:
– Ты знал, на ком женился.
Алексей горько усмехнулся.
– Это точно. Нужно было тщательнее подбирать себе жену.
Вера несколько секунд молчала, хмурия брови, потом пододвинулась к Алексею и положила ему руку на плечи.
– Леш, – тихо заговорила Вера, – что с тобой?
Он с удивлением взглянул на Веру, словно увидел в ее лице отражение своей гневной физиономии, и провел ладонью по глазам. Потом буркнул почти недоуменно:
– Сам не знаю. Просто терпеть не могу жить в «аквариуме».
Вера встала, взяла с постели покрывало, повернулась и набросила его на карниз как гардину.
– Так лучше? – спросила она.
Алексей кивнул:
– Да.
Он слабо улыбнулся. Вера тоже улыбнулась и снова протянула руки ему навстречу:
– Тогда иди ко мне! И быстрее, пока не выветрился запах табака. Обожаю, когда от тебя пахнет табаком!
– Тогда тебе нужно было выйти замуж за боцмана или капитана, – уже весело откликнулся Алексей. – Эти ребята не расстаются с трубкой даже во сне.
– А что, неплохая мысль! Но сегодня мне боцмана уже не найти, поэтому придется довольствоваться бедным художником.
Вера обняла мужа и крепко поцеловала его в губы.

9

Вера спала – щека на подушке. Алексей любил смотреть на жену, когда та спит.

Иногда он ее побаивался, как побаивается старшеклассник учителя, которому предстоит сдавать экзамен. Вера была умной. И еще смелой, а он часто терялся перед возникшей проблемой, предпочитая переложить ее на чужие плечи или просто закрыть на нее глаза. В отличие от Алексея, у Веры было твердое и обоснованное мнение по каждому поводу. А он, бросаясь из одной крайности в другую, часто не мог разобраться в том, что творится в собственной душе.

Алексею Тенишеву двадцать пять лет, из них пять он занимался живописью. Это было единственным, на отстаивание чего у него хватило твердости и силы духа. Он часто вспоминал последний разговор с отцом. Дело было в кабинете Тенишева-старшего.

Отец сидел в кожаном кресле в вальяжной позе со стаканом виски в руке. Сидел и вещал:

– Алешка, кончай валять дурака. Займись, наконец, настоящим делом.

– Каким же? – угрюмо поинтересовался Алексей, устроившись на диване. – Втюхивать клиентам стройматериалы? Вот уж это мне не нравится.

– Дурак, – сухо обронил отец. – Я бы помог тебе начать свое дело. Через два года ты встанешь на ноги, а еще через два будешь владельцем крупнейшей фирмы по продаже стройматериалов. Я обо всем позабочусь – где надо, подмажу, приглаголю, продвину.

– Спасибо, но я не нуждаюсь.

Отец вздохнул. Затем отпил из стакана и снова поднял взгляд на Алексея.

– Ты хоть понимаешь, что позоришь меня? – сказал он.

– Ты сам себя позоришь, – ответил Алексей, начиная выходить из себя. – Я художник. Слышал такое выражение – «зарывать талант в землю»? Так вот свой я зарывать не намерен.

– Ты не художник, – возразил отец. – Ты просто вообразил себя художником.

Алексей холодно улыбнулся:

– Спасибо за комплимент, папа. Кстати, я собираюсь жениться. И моя невеста полностью меня поддерживает.

Отец уставился на Алексея удивленно.

– Она что, дура? – насмешливо осведомился он.

– Наоборот. Она психиатр. Представь себе: у нас в семействе будет свой психиатр, и ты сможешь бесплатно лечиться.

Отец поставил стакан на дубовую столешницу и повертел его пальцами, глядя на то, как кусочки льда тихо покачиваются на дне.

– Ну, допустим... – задумчиво произнес он наконец. – Допустим, ты увлекся. Бывает. Но зачем же сразу жениться? До того как я познакомился с твоей мамой, у меня было полсотни подружек.

– И все-таки ты женился на маме.

Отец взглянул на Алексея из-под нахмуренных бровей.

– В ту пору мне было уже тридцать, и я умел отличать страсть от спокойного глубокого чувства, которое называют любовью. И потом, у тебя уже есть Инга. Я был уверен, что у вас с ней все серьезно.

– Было серьезно, пока я не встретил Веру.

Отец вскинул бровь:

– Значит, эту шлюшку зовут Верой?

– Следи за своими словами!

– А ты следи за своим поведением! – рявкнул вдруг отец. – Иначе той сладкой жизни, которую я тебе обеспечил, придет конец! Бары, рестораны, ночные клубы, поездки за границу – видимо, ты забыл, из чьего кошелька оплачиваются твои удовольствия.

– Я могу прожить и без тебя, – с холодной яростью заявил Алексей.

– Ты? – отец тихо засмеялся и покачал головой: – Не смей меня. Ты ничего не умеешь делать.

– Я художник!

– Художник, который не продал ни одной картины? Откуда ты взял, что у тебя есть талант? На мой взгляд, ты просто бездарный мазила.

Отец отхлебнул виски.

– В общем, так, Алексей. Ты сегодня же бросишь свою психопатку и помиришься с Ингой. Она хорошая девочка из хорошей семьи. И потом, у нас с ее отцом есть кое-какие планы на будущее. И я не позволю тебе перечеркнуть их.

Алексей смотрел на отца задумчиво. Помолчал с полминуты, затем сказал:

– Знаешь что, папа... Возьми ты свои планы и засунь их себе... Ну, ты знаешь, куда.

Потом встал с кресла и зашагал к двери.

– Мерзавец! – крикнул ему вслед отец. – Ты не получишь от меня ни копейки, пока не извинишься! Вернись! Слышишь, вернись!

Алексей вышел из кабинета и вздрогнул от грохота. Это стакан с недопитым виски разбился о дверь. Все было кончено.

Больше они с отцом не встречались и не разговаривали даже по телефону.

Разглядывая спящую жену, Алексей вдруг почувствовал острое желание и едва удержался от того, чтобы не разбудить ее. Он усмехнулся сам себе. Они живут вместе почти год, а встречаются и того больше, а он все еще хочет ее. Удивительно.

Алексей вздохнул, потом, стараясь не скрипеть пружинами, поднялся с кровати и пошел на кухню. Ему захотелось пить.

* * *

– Не спится?

Тенишев вздрогнул и уронил на пол пластиковую бутылку с водой.

– Черт! – Он наклонился и поднял бутылку.

Ольга стояла в дверях, держась одной рукой за косяк, а другой опираясь на костыль.

– Прости, я не хотела тебя напугать.

– Как ты сюда добралась?

Ольга пожала плечами:

– Дошла.

– Но я тебя не слышал.

– Я обмотала костыль тряпкой.

– Зачем?

– Чтобы не перебудить весь дом.

Алексей поставил воду в холодильник и закрыл дверцу. Затем направился прочь из кухни, но Ольга выставила костыль и преградила ему дорогу.

– Куда ты? – спросила она.

– Спать.

– А как же я? Ты ведь должен ухаживать за священной коровой. Не помнишь? Доведи меня до кровати!

– Доковыляла сюда, доковыляешь и обратно.

Тенишев перешагнул через костыль и хотел пройти мимо, но Ольга схватила его за руку.

– Постой!

Алексей поморщился.

– Что еще?

Пару секунд Ольга разглядывала его лицо, потом усмехнулась и проговорила, понизив голос:

– Я видела, как ты подглядывал за мной в окно.

Тенишев презрительно улыбнулся:

– Деточка, у тебя галлюцинации. Обратись к психиатру.

Он стряхнул с предплечья ее руку, но Ольга снова схватила его.

– Ты часто за мной подглядываешь?

– Отвали!

– Думаю, да, – насмешливо сказала она. – Хочешь, я перестану запира́ть дверь в ванной?

– Ты и так ее никогда не запираешь.

Ольга тихо засмеялась:

– Ты прав! Вот только откуда ты это знаешь, если не подглядываешь за мной?

– Соседи рассказали. Когда ты моешься, у двери выстраивается очередь длиной в целый квартал.

Он снова стряхнул ее пальцы со своей руки и двинулся к спальне.

– Я все еще красива, правда? – громко проговорила Ольга ему вслед.

Алексей ничего не ответил.

– Я гораздо красивей твоей жены! Взгляни на мои ноги – разве они не совершенство?

Алексей не удержался и оглянулся. Ольга бесстыже задрала полы шелкового халатика, обнажив ноги до самых бедер.

– Если бы они еще и ходили, им бы цены не было, – с холодной жесткостью произнес Алексей.

Затем отвернулся и зашагал к спальне. Он мог поклясться, что Ольга смотрит вслед с торжествующей улыбкой. Ну и черт с ней! У инвалидов свои причуды. Не стоит их обижать.

Укладываясь в постель, Алексей хмуро сопел. Встреча с Ольгой немного выбила его из колеи. Но ничего. Надо спать. Завтра будет хороший день. И ни одна мегера не сможет его испортить.

Уже засыпая, он на мгновение приоткрыл глаза и вдруг увидел, что покрывало, брошенное на карниз, вот-вот упадет. Это показалось Алексею неприятным.

Нехотя, он приподнялся и протянул руку, чтобы поправить покрывало. Однако, едва пальцы его коснулись тонкой ткани, как она тут же поползла вниз. На какое-то мгновение Тенишев испытал досаду, какую испытывает человек, когда на глазах у него что-то рушится или падает.

Он даже дернулся вперед, чтобы подхватить покрывало на лету, но вдруг оцепенел. Голова и спина мгновенно покрылись горячим потом, а сердце, резко подпрыгнув в груди, на секунду остановилось, когда он увидел, что к окну приникло бледное женское лицо.

Тенишев вскинул перед собой руку, как бы для защиты, и в ужасе отшатнулся. Незнакомка продолжала смотреть. Она смотрела прямо на Алексея, но, казалось, не видела его. Лицо ее было необычайно бледным. Распущенные светлые волосы лежали на плечах растрепанными прядями. Глаза девушки были расширены и полны страдания.

Алексей глядел на нее как замороженный.

Девушка повела глазами из стороны в сторону, словно кого-то высматривая. И вдруг бледное лицо исказилось радостно-злостной гримасой. Теперь она смотрела на Алексея и видела его. Руки – худые, известково-бледные – легко, как сквозь воду, прошли через оконное стекло, и Тенишев почувствовал ледяное прикосновение ее пальцев на своих щеках.

10

Утро выдалось солнечным. Проснувшись, Алексей минут пять лежал в постели, тупо глядя в потолок. На душе было беспокойно. Тенишев помнил, что ему вроде бы приснился кошмарный сон, но что именно приснилось... Нет, этого он вспомнить не мог.

Помучившись еще немного, Алексей решил махнуть на кошмар рукой и не забивать себе голову всякой чепухой. Встав с кровати, позвонил Вере, но она не взяла трубку. Алексей повторил набор, но вновь безрезультатно.

Тогда, поставив на проигрыватель пластинку Луи Армстронга, а на конфорку плиты – кофеварку, он забрался в душ и с наслаждением постоял под струями горячей воды. Потом выкурил пару сигарет, выпил кофе, быстро оделся, прихватил холст и мольберт и вышел на улицу.

Обычно он не работал на пленэре. Да что там – обычно он не писал с натуры! Все, что Алексей Тенишев запечатлевал на холсте, было порождением его собственного буйного воображения. Но сейчас что-то так и потянуло Алексея из дома. То ли свет был очень хорош, то ли ему захотелось вдохнуть свежего воздуха. А может быть, он просто не хотел пересекаться на кухне с Ольгой, которая, по своему обыкновению, спала до полудня. Черт его знает, почему, но сидеть в четырех стенах в этот день Тенишев не мог.

На улице было прохладно и солнечно. Закинув мольберт на плечо, он закурил и с сигаретой во рту зашагал по неширокой тропинке, держа путь в дубовую рощу. Ощущения у Алексея были странные. Он как будто что-то забыл, а теперь пытался вспомнить и почти вспоминал, но в самый последний момент воспоминание ускользало от него, как вода, которая по пути к лицу просочилась из пригоршни сквозь неплотно сжатые пальцы. Алексей не мог определить, хорошее это было воспоминание или плохое. Оно было тревожным, и от него остался неприятный осадок в душе.

Тенишев был рассеян, даже сигарета никак не помогала ему сосредоточиться. Внезапно Алексей обнаружил, что размышления завели его гораздо дальше, чем он рассчитывал. При чем в буквальном смысле – он вдруг понял, что дошел до самого болота.

Алексей остановился и огляделся. Славное местечко. Вокруг полно деревьев, впереди густой кустарник. Сразу за ним – болото. Пожалуй, здесь стоит установить мольберт.

Тенишев вдохнул прохладный, пропахший грибами воздух, улыбнулся и снял с плеча мольберт.

Итак, с чего начать? Он так давно не писал с натуры, что забыл, как это делается. Вон там, возле кустарника, растет зеленая ель. Как она сюда попала? Непонятно. Но выглядит живописно. Вот ее и нарисуем...

И Тенишев приступил к работе. Писать на пленэре было чертовски приятно. Свежий воздух бодрил не меньше крепкого кофе. Естественные формы и ровный цвет радовали глаз. Увлекаясь все больше и больше, Алексей поймал себя на том, что испытывает непонятное волнение.

Он работал быстро, как будто боялся, что вдохновение покинет его и набросок останется незавершенным. Глаза фиксировали композиционные особенности и цвета, рука переносила их на холст, а в душе поднималось ликование. Ликование особого рода – с тонким, едва различимым привкусом тоски. Оно было похоже на ностальгию по чему-то прекрасному, но невозвратно минувшему. По тому, что уже никогда не повторится.

Тенишев на минуту остановился, чуть отошел от мольберта и взглянул на холст оценивающе.

– Шишкин и Саврасов отдыхают, – сказал с усмешкой. – Еще немного, и мне понравится работать в реалистичной манере.

Он поднял кисть и продолжил работу.

Блаженство не проходило, но тоска – с каждой минутой, от мазка к мазку – становилась все острее. Тенишев вдруг стал нервничать. Он понял, что в композиции чего-то недостает. Какой-то фигуры, светлого пятна, которое могло бы освежить ровную, сдержанную палитру картины, вдохнуть в нее жизнь.

Он уже стал отчаиваться, когда вдруг, взглянув в очередной раз на ель и кустарник, увидел, что возле ели кто-то стоит. Нет, не кто-то, а молодая женщина в светлом платье, с бледным худым лицом и распущенными волосами.

Сердце Алексея наполнилось восторгом. Вот то, чего не доставало картине!

– Добрый день! – крикнул он, продолжая работать. – Не могли бы вы постоять немного на месте?

Женщина чуть двинулась, и он поспешно проговорил:

– Нет-нет, там, где стоите! Спасибо!

Спеша запечатлеть незнакомку, Тенишев писал быстро и был до того увлечен работой, что не дал себе труда задуматься: откуда женщина взялась? Здесь, среди болот, в легком платье осенью... Он словно бы воспринял ее появление как должное. Художнику понадобилась центральная фигура композиции – и она тут же возникла. Что это, если не Божье провидение?

Бросая на лицо незнакомки внимательные взгляды и споро работая кистью, Алексей вновь заговорил:

– Я видел вас вчера вечером неподалеку от нашего дома. Любите поздние прогулки?

Женщина не ответила.

– Не хотите говорить об этом? – снова сказал Алексей. – Ладно, не надо.

Работа захватывала его все больше.

– Еще немного... – бормотал он взволнованно. – Не уходите, прошу вас, вы так прекрасно освещены! Еще несколько минут! Отличное освещение... Ваша фигура украсит картину... Вы чья-то жена? Или дочь?

Женщина продолжала молчать. И тогда Тенишев оставил попытки заговорить с ней. Его глаза сверкали, на лбу выступил пот. Он писал как одержимый, и работа близилась к завершению с удивительной быстротой. Однако внезапное происшествие помешало Алексею закончить картину.

– Добрый день! – окликнул его вдруг женский голос.

Услышав приветствие, Алексей заморгал, точно не сразу сумел понять, что за голос его окликает и откуда он доносится. Затем повернул голову и растерянно проговорил:

– Здравствуйте.

Рядом с ним стояла невысокая рыжеволосая женщина с бледным лицом, красоту которого не портили даже довольно густые темные тени вокруг глаз. Женщина была в легком темно-зеленом пальто, на губах у нее застыла вежливая улыбка.

– Вы муж новой сотрудницы? – осведомилась она.

– Угадали.

Женщина протянула руку:

– Меня зовут Наташа. Я жена врача Тимура Астахова.

– А кто он такой? – поинтересовался Алексей, пожимая руку женщине.

– Простите, я думала, вы в курсе. Тимур Астахов – один из врачей клиники.

– А, понятно, – кивнул Алексей, – коллега моей жены. Полагаю, я еще с ним познакомлюсь. А где... – Тенишев завертел головой. – Простите, вы не видели здесь девушку?

– Девушку?

– Да. Она стояла возле вон той ели!

Наташья проследила за его взглядом и отрицательно покачала головой:

– Нет, я никого не видела.

Тенишев опустил кисть и снова растерянно огляделся.

– Странно... – пробормотал он. – Она так быстро ушла...

– А вы художник? – спросила Наталья, с интересом глядя на мольберт.

Он кивнул:

– Да.

– Можно взглянуть?

Женщина хотела обойти мольберт, чтобы посмотреть на его работу, но Алексей заслонил холст.

– Простите, но я никогда не показываю картину публике, пока не закончу ее. Так вы говорите, ваш муж – коллега моей жены?

– Да. Вы с ним познакомитесь. В субботу, на пикнике.

– А в субботу будет пикник?

– Да. Такова добрая традиция нашей клиники – каждую субботу мы устраиваем пикник. Алексей принялся складывать мольберт.

– Хорошая традиция, – похвалил он.

Наталья вздохнула.

– Здесь довольно скучно. До города ехать полтора часа, а с пробками – в два раза дольше. Вот мы и развлекаемся, как можем. Простите, но вы так и не назвали своего имени.

– Алексей Тенишев.

– У вас с женой разные фамилии?

– Да. – Алексей достал из кармана пачку сигарет и усмехнулся: – Мы очень привязаны к своим фамилиям. Так уж получилось.

Наталья улыбнулась.

– А я была рада взять фамилию мужа. Раньше я была Иванова.

– Сочувствую, – Алексей сунул в рот сигарету. – Но теперь-то все изменилось? Новая фамилия – новая жизнь. Кстати, это не ваши детишки ломают указатель?

Наталья взглянула на двух мальчишек, пытающихся сбить камнями предупреждающую табличку со столба, и кивнула:

– Мои.

– Хорошие ребята.

Наталья посмотрела на Алексея с любопытством.

– Гогену пришлось бросить семью и уехать к черту на кулички, чтобы никто не мешал ему заниматься любимым делом. Вы, я вижу, решили поступить так же?

– Точно! – Алексей улыбнулся и щелкнул зажигалкой.

Наталья, наблюдая, как он прикуривает, продолжила:

– Было бы интересно взглянуть на ваши работы.

– В чем же дело? Пойдемте!

– Что, прямо сейчас?

– А чего ждать?

Наталья улыбнулась:

– В самом деле. Вот только окликну мальчиков. Саша! Паша! Оставьте табличку в покое! Мы идем в гости!

Близнецы нехотя выбросили камни и поплелись за матерью. Потом стали нарезать вокруг Натальи и Алексея круги, пиная друг друга и подбирая с земли палки.

– Активные какие, – заметил по их поводу Тенишев.

– Настоящие хулиганы, – вздохнула Наталья. – Три дня назад поймали кота и хотели его препарировать. Даже скальпель где-то нашли. Хорошо, я вовремя заметила.

– Веселые детки, – покивал Алексей. – Кстати, симпатичное у вас тут болотце. Почему его не осушат?

– В прошлом году собирались, но у местной администрации руки не дошли. Черневицкий хотел осушить его за счет клиники... сразу после гибели Вероники... но ему не разрешили.

– Вероника? Так звали девушку, которая здесь утонула?

– Да.

– Ее тело удалось найти?

– Какое там! Нашли только кроссовку и платок. Тут, на берегу.

Тенишев вздохнул:

– Да... Печальная история. А вы близко ее знали?

– Здесь все знают друг друга близко. Веронику мучили кошмары. Она стала бояться ложиться спать. Бессонницы сильно ее изматывали.

Алексей хмыкнул:

– Психиатр, страдающий от кошмаров? Это что-то новенькое. Я думал, в психиатры идут люди здоровые и уравновешенные.

– Ваша жена такая?

– Конечно. А ваш муж?

Наталья улыбнулась:

– О, он очень спокойный и уверенный в себе мужчина.

– В таком случае, вам с ним повезло.

Наталья тоже хмыкнула, но на ее переносице пролегла тонкая вертикальная морщинка озабоченности. Впрочем, через секунду от морщинки не осталось и следа.

– Так что там с этим болотом? – снова спросил Алексей.

– В каком смысле?

Тенишев пожал плечами:

– Ну, девушка ведь утонула. Зачем она туда полезла? Может, надышалась каких-нибудь ядовитых испарений? Я где-то читал, что у болот бывают ядовитые испарения.

– Я ни о чем таком не слышала. Думаю, Вероника решила прогуляться перед сном по роще, чтобы снять напряжение. Задумалась и случайно угодила в трясину.

Алексей посмотрел в сторону болота.

– Хоть бы его огородили, что ли... – проворчал он с неудовольствием. – Вдруг опять кто-нибудь выйдет ночью подышать воздухом? – Потом внезапно встрепенулся. – Кстати, совсем забыл! Вчера вечером я видел, как возле болот гуляла женщина.

Наталья взглянула на него недоверчиво и удивленно.

– Женщина?

Тенишев кивнул:

– Ну да. Я не рассмотрел ее лица, но мне показалось, что она молодая. Кто бы это, по-вашему, мог быть?

– Даже не знаю, что вам сказать. После гибели Вероники никто из здешних обитателей не приближается к болоту.

– И я их понимаю, – кивнул Алексей. – И все-таки, я ее видел. И даже пошел за ней. Хотел познакомиться и все такое.

– А она не захотела с вами знакомиться?

Алексей покрутил головой.

– Нет. Думаю, я испугал ее. Она дошла вон до тех деревьев, а потом исчезла. Наверное, свернула на какую-нибудь дорогу или тропку и пошла к коттеджам.

Наталья посмотрела на Алексея странным взглядом.

– Там нет никаких дорог и тропок. За деревьями начинается трясина.

Тенишев ухмыльнулся.

– Ну, значит, она тоже утонула. Видимо, у вас тут это в порядке вещей.

Наталья нахмурилась.

- Не думаю, что над этим можно шутить.
- Да ладно вам. Обычный «черный юмор».

Алексей покосился на спутницу, увидел, что на ее бледном лице нет и тени улыбки, и поспешил исправить ситуацию:

- Простите. Иногда меня слегка заносит. Кстати, мы уже пришли.
- Наталья повернулась к полянке и крикнула:
- Саша! Паша! Немедленно идите сюда!
- Близнецы сделали вид, что не слышат ее.
- Я кому сказала! – крикнула женщина строже.
- Близнецы нехотя побрели к дому. Наталья повернулась к Алексею.
- Сладу нет с этими хулиганами. Кстати, как вам коттедж?
- Неплохой. Но что толку – все равно жилище временное.
- Нашей семье клиника подарила коттедж в полную собственность.
- Вот как? – не поверил своим ушам Алексей. – Просто подарила?
- Да, – кивнула Наталья.
- Фантастика!

Женщина засмеялась:

– И тем не менее все именно так. Руководство клиники заботится о своих сотрудниках. За хорошую работу персонал регулярно получает премии и бонусы. Если у кого-то родится ребенок, клиника тут же делает сотруднику щедрый подарок.

- Да у вас тут братство какое-то, – заметил Тенишев.

– Скорее одна большая семья. Вся наша жизнь связана с клиникой, и для нас это важно, ведь коренных жителей среди нас нет. Все мы трансплантаты.

Алексей остановился у двери и взялся за дверную ручку.

- Вы уверены, что все еще хотите взглянуть на мои картины? – осведомился он.

Наталья кивнула:

- Конечно. Я люблю живопись.
- Тогда добро пожаловать.

И Тенишев распахнул перед Натальей дверь.

11

Они вошли в прихожую.

– Если услышите, как об пол стучат костыли, не пугайтесь, – предупредил Тенишев. – Это сестренка моей жены. Зовут ее Ольга, но внутри семьи мы называем ее «Костяная Нога».

Наталья посмотрела на Алексея удивленно, но ничего не сказала.

– А вот и наша Костяная Нога! – воскликнул он вдруг, поворачиваясь к комнате Ольги.

В дверях стояла Ольга – красивая, белокурая, безукоризненно накрашенная. Опираясь на костыли, она с любопытством смотрела на гостью. Когда та взглянула на нее, Ольга весело проговорила:

– Не обращайтесь на него внимания. Алексей – художник, а все художники идиоты, – протянула руку, представилась: – Оля.

– Наталья.

– Это ваши? – спросила Ольга, пожав гостье руку и кивнув на близнецов, которые бесцеремонно устроились на диване.

Наталья кивнула:

– Да.

Ольга улыбнулась:

– Славные. Мальчики, как вас зовут?

– А нас не зовут, мы сами приходим, – неожиданно заявил в ответ один из близнецов.

– Сашка, не хами, – осадил его Наталья.

– Да ничего страшного, – сказала Ольга с улыбкой. – Дети есть дети.

– Ты сама сказала, чтобы мы упражнялись в остроумии на ком-нибудь еще, – заявил матери Сашка.

А Пашка поддакнул:

– Эта тетя нам подходит.

– Будете хамить – заклею вам рты скотчем! – пообещала Наталья.

– Тогда мы позвоним в комитет по защите детей и расскажем о случае истязательства над детьми, – объявил Сашка.

А Пашка разъяснил:

– Сашка переписал телефон из телевизора. Там сказали, что дети имеют право на защиту.

Наталья повернулась к Алексею и Ольге и с горькой улыбкой проговорила:

– Ну, и что прикажете с ними делать? Они знают законы лучше меня.

– Умные мальчики, – усмехнулся Алексей. – Сколько им?

– Восемь.

– Смышленные.

– Не то слово! Порой не знаю, куда деваться от их смышлености.

Тут Сашка снова изрек голосом маленького оракула:

– Умные дети – не только большая радость, но и большая ответственность для родителей.

Наталья прищурилась и спросила с напускной строгостью:

– Это ты тоже в телевизоре слышал?

– Да.

– Когда-нибудь я выброшу ящик на помойку.

– Не выбросишь, – заявил Сашка. – Папа заплатил за него половину месячной зарплаты.

Тенишев разложил мольберт, водрузил на него незаконченную картину и повернул ее к окну.

Один из близнецов тотчас соскочил с дивана и подошел к мольберту. Тенишев хотел остановить его, но лишь махнул рукой, решив: черт с ним, пусть смотрит.

Некоторое время мальчишка разглядывал нагромождение красок, потом перевел глаза на Тенишева и спросил:

– Ты нарисовал?

Алексей кивнул:

– Угу.

– А что это?

– Мир, который меня окружает.

Сашка пристально взгляделся в картину и тихо проговорил:

– Он страшный.

– Кто? – не понял Алексей.

– Мир, который тебя окружает, – пояснил мальчик. – А почему у него в руке нож?

– У кого? – опять не понял Тенишев.

– У дяди, который прячется за кустом.

Тенишев покосился на холст и назидательно произнес:

– Малыш, на картине нет никакого дяди.

Мальчишка посмотрел на Алексея удивленно, потом снова устремил взгляд на картину и сказал:

– Но я его вижу. Дядя хочет сделать тете больно. Ей страшно, и она плачет. – Мальчик нахмурил лоб и деловито изрек: – Думаю, он собирается ее убить.

Алексей протянул руку и погладил ребенка по голове.

– Ты хороший мальчик, – задумчиво сказал он, – но у тебя слишком богатое воображение. Либо ты станешь писателем, либо... пациентом своего папы.

Близнец дернул головой, выскальзывая из-под ладони Тенишева, и с воплем бросился к матери.

– Мама!

– Что случилось? – удивленно спросила Наталья.

– Этот дядя обозвал меня психом!

Астахова сдвинула брови и строго посмотрела на сына.

– Не выдумывай.

– Но он так сказал! Он сказал, что, когда я вырасту, папа будет меня лечить!

Наталья посмотрела на Тенишева, тот пожал плечами. Женщина снова повернулась к детям.

– Идите погуляйте на улице. Только не отходите от дома.

Выпроводив сыновей, она прошла к стене, на которой были развешаны картины Алексея. Пока гостя обозревала холсты, Ольга стояла в дверях мастерской с бокалом «Мартини» в руке и насмешливо поглядывала на Тенишева.

– Интересные работы, – констатировала Наталья. – Вот эта мне нравится больше всего. В ней много энергии и ярости. Однако сквозь агрессию проглядывает уязвимость. Вы потратили на нее много времени, правда?

– Правда, – кивнул Алексей. – А как вы догадались?

Наталья пожала плечами:

– Это видно.

На улице что-то гроыхнуло. Наталья подошла к окну и тревожно выглянула наружу.

– Они разожгли костер, – сообщила она. – Знаете, я, наверное, пойду, пока мои сорванцы не спалили ваш дом. Но я еще приду, ладно? Может быть, я захочу что-то купить. Вы ведь продаете свои работы?

– Продаю, – ответил Тенишев.

– Только никто не покупает, – тихо и насмешливо проговорила у него за спиной Ольга.

Наталья перевела на нее взгляд.

– Картины Ван Гога и Модильяни тоже не покупали, – сказала она. – Как знать, может, лет через десять полотна Алексея будут стоить миллионы. Нужно спешить, пока они не выросли в цене!

Женщина улыбнулась, затем распрощалась с Алексеем и Ольгой и покинула дом.

– Саша! Паша! – донесся с улицы ее звонкий голос.

Ольга посмотрела на окно и проворковала, цитируя гостью:

– «В картине много энергии и ярости. Однако сквозь агрессию проглядывает уязвимость». Фу, какая пошлость! Тенишев, надеюсь, ты не купился на эту уловку?

– Отстань.

– Похоже, ты ей понравился. Рафинированным барышням из глубинки нравятся хамоватые мужики. Ты здесь будешь пользоваться большим успехом.

– Я сказал: отвязись от меня.

– А то что? Переломаешь мне ноги? – Ольга тихо засмеялась. – Ох, Тенишев, какой же ты жалкий...

Лицо Алексея окаменело.

– Что ты сказала? – процедил он сквозь зубы.

Ольга отхлебнула из бокала и презрительно повторила:

– Жалкий. Жалкий, бездарный мазила, не приспособленный к жизни. Верка с тобой еще намучается.

Несколько секунд Алексей стоял, угрюмо глядя на Ольгу, потом шагнул к ней и схватил ее за горло.

– Держи свой поганый язык за зубами, – яростно пророкотал он, – если не хочешь, чтобы я тебя придушил.

Оттолкнул от себя Ольгу и отошел к окну. Ольга согнулась, схватилась рукою за горло и закашлялась. На глазах ее выступили слезы.

– Я... – она закашлялась, но взяла себя в руки. – Я этого не забуду.

– Чего я и добивался, – буркнул в ответ Алексей.

Ольга снова закашлялась, но через минуту окончательно пришла в себя. С ненавистью посмотрев на спину Тенишева, она тихо проговорила:

– Если однажды ты увидишь, как какой-нибудь бродяга бьет тебя ножом, знай: нож в его руку вложила я.

– Лучше укуси меня, – посоветовал Алексей, прикуривая сигарету. – Твой яд смертоноснее любого ножа.

Ольга, не ответив ни слова, сгребла костыли, пристроила их под мышками и заковыляла в свою комнату.

12

Вот уже полтора часа Вера сидела за широким письменным столом и просматривала больничные карты, пристально изучая анамнезы и стараясь запомнить прочитанное.

Пациент Поташев. Двадцать восемь лет. Замкнутость, вялость, апатия... Трифтазин два раза в день, циклодол три раза в день... Пациента трясет, а в стадии обострения пропадает аппетит, болит голова, спина и возникает острая нехватка воздуха...

Пациент Галыгин. Тридцать два года. Галлюцинаторно-параноидальная шизофрения... Высказывает бредовые идеи преследования... Прошел курс электросудорожной терапии методом УП. После УП прослеживалась динамика восстановления речи, отмечались изменения речевой активности, особенно голоса и интонации...

Пациент Липкин. Семьдесят два года. Идиопатическая болезнь Паркинсона в третьей стадии... Двухлетний анамнез нарастающей спутанности сознания... Параноидальные мании и зрительные галлюцинации... В последние два года лечение клозапином и леводопом... Улучшений нет.

Пациент Ставрогин. Тридцать лет... Затяжная депрессия... Лечение нортритилином и алпразоламом...

Пациент Венедиктов. Шестнадцать лет... Параноидальная шизофрения. Прошел лечение поддерживающими препаратами галоперидол и трифтазин... Слуховые галлюцинации исчезли примерно четыре месяца назад... Сейчас принимает респолект. Из наблюдающихся побочных эффектов – слабость...

Вера перевела дух и откинулась на спинку стула. В кабинет вошел Шевердук. Прошел к шкафу и принялся искать какие-то бумаги.

– Иван Федорович, – окликнула его Вера.

Шевердук обернулся, блеснув стеклами очков:

– Да?

– Вчера вечером я познакомилась с доктором Плучеком. Он зашел к нам в гости, и мы устроили что-то вроде небольшого новоселья. Но сегодня я не видела его в клинике.

– И что?

– Он очень поздно ушел от нас. Вот я и волнуюсь: не случилось ли с ним чего?

– Павел Сергеевич уехал сегодня утром, – сказал Шевердук.

– Уехал?

Шевердук кивнул:

– Да. На конференцию. Улетел в Москву утренним рейсом.

Вера обдумала слова Шевердука и нахмурилась.

– Странно, вчера вечером доктор и словом не обмолвился о поездке.

– Вчера вечером он еще не знал, что полетит. Лететь на конференцию должен был я. Но у меня приболела жена, и Черневицкий попросил Плучека заменить меня.

– Вот в чем дело... – Вера облегченно вздохнула. – Тогда все в порядке. А то я уж было подумала...

– Что вы подумали? – стекла очков Шевердука мрачно сверкнули.

Вера смущенно улыбнулась.

– У вас здесь довольно жуткие места: дубовый лес, болото... Если ночью сбиться с дороги, можно и заблудиться.

Шевердук пожал плечами:

– Никогда об этом не думал. Я видел дубовую рощу только при свете дня, и она никогда не казалась мне жуткой. Что касается возможности заблудиться, то, на мой взгляд, это невозможно. Мы все прекрасно ориентируемся в нашей роще.

Вере нечего было ответить. Шевердук помолчал, а потом проговорил – видимо, затем лишь, чтобы заполнить паузу, от которой обоим стало слегка неуютно:

– Должно быть, Плучек вам много рассказывал о нашей клинике?

– Почти ничего, – покачала головой Вера. – Мы больше говорили на общие темы. Вот только на прощание он произнес странную фразу.

– Какую?

Вера наморщила лоб, припоминая, и ответила:

– Что-то насчет того, чтобы я была осторожна.

– Плучек прав, – согласился Шевердук. – Специфика нашего учреждения такова, что любая неосторожность может стоить нам здоровья и даже жизни. Сегодня утром, беседуя с Часовщиком, вы слишком близко подошли к защитному барьеру, а это могло закончиться плохо. Помните: Часовщик убивал людей голыми руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.